ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА
ЗЛО
ИМЕНЕМ
ТВОИМ

Александр Афанасьев
Зло именем твоим
Серия «Период распада», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522715
Александр Афанасьев. Зло именем твоим: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52630-7

Аннотация

Они несли на своих штыках свободу и искренне считали себя миротворцами. Простые американские парни в камуфляже и их командиры, и командиры их командиров, и даже самый главный, тот, что сидел в Белом доме, искренне недоумевали, почему несознательные жители тоталитарных стран так отчаянно сражаются со своими демократизаторами? Ведь бомбят их и поливают напалмом лишь для их же блага, ради того, чтобы они приобщились к благам западной цивилизации. Но афганцы и иранцы, турки и русские упрямо хотели жить по-своему и имели собственное мнение о том, что такое хорошо и что такое плохо. И отстаивали свой взгляд на мир с «калашниковыми» в руках и ПЗРК на плечах. И даже сил единственной на Земле сверхдержавы на все не хватало. Вот теперь полыхнуло в, казалось бы, давно замиренном Ираке...

Содержание

20 июня 2014 года 6
06 июня 2014 года 31
05 июля 2014 года 38
Израиль, южнее Хайфы 47
Группа «Иеремия» 57
Группа «Иисус Навин» 60
Группа «Авраам» 63
«Саарет Маткаль» 72
Группа «Иеремия» 74
«Саарет Маткаль» 77
Оперативная группа «Моисей» 81
Специальная группа «Саарет Маткаль» 86
Ракетная база 93
Специальная группа «Саарет Маткаль» 96
Ракетная база 105
Аэродром 109
Объект «Имам Али» 117
Центр боевого управления 118
Объект «Имам Али» 120
Остров Харк 122
Объект «Имам Али» 129
Остров Харк 131
Остров Харк 132

Саргорд Арад Бешехти 134
Объект «Имам Али» 137
Объект «Имам Али» 140
Объект «Имам Али» 142
Объект «Имам Али» 146
Конец ознакомительного фрагмента. 154

Александр Афанасьев
Зло именем твоим

Не раз и не два, читая воспоминания о Великой Отечественной войне – причем это воспоминания прежде всего гражданских людей, – наталкиваешься на мысль, что эта война не была для многих неожиданностью. Чего-то подобного ждали, все это витало в воздухе, и было полное понимание, что война рано или поздно начнется. Ее не может не быть, потому что проблемы, с которыми столкнулся мир, никак не решаются – их либо скрывают, либо предпринимают какие-то полумеры, не устраивающие ни одну из сторон игры.

Не кажется ли вам, что это в точности – описание того, что происходит сегодня?

Если так – то становится страшно. Ведь за эпохой полумер всегда следует страшная война, устанавливающая новый мировой порядок, полностью устраивающий хотя бы одну из сторон.

Мы живем в преддверии Третьей мировой войны.

Эпоха полумер
Автор

20 июня 2014 года
Курдистан, Салах-ад-Дин

Один из крупнейших городов никем не признанной страны – Салах-ад-Дин – жил и процветал, здесь в этом году даже не было еще террористических актов. Раньше здесь был северный Ирак, граничащая с Турцией земля, турки никогда не пытались каким-то образом защитить этнических турков, которые жили в Ираке, – их называли туркоманы, и насчитывалось их до семисот тысяч человек. Во-первых – потому что они не нуждались в защите, во-вторых – потому что Турция, даже входя в НАТО, побаивалась жесткого и непредсказуемого диктатора с берегов Тигра. Потом, когда Саддам сделал глупость и потерпел поражение в Ираке – иракский Курдистан отделили от остального Ирака так называемой «северной запретной зоной» – ее патрулировали самолеты НАТО с расположенных в Турции баз. Все иракские летательные аппараты, появившиеся в этой зоне, подлежали уничтожению. Так Курдистан прожил еще десятилетие – по сути, это была подготовка к отделению от Ирака, становления курдского гражданского общества и механизмов власти. Потом, в четвертом году, пришли американцы и британцы, не встретив здесь никакого сопротивления, прошли дальше на юг – и с этого момента курдскую государственность можно было счи-

тать состоявшейся.

Само по себе понятие – иракский Курдистан – расплывчато. Есть понятие этнический Курдистан, он включает в себя мухафазы Эрбиль, Дахук, Сулеймания и Киркук, а также области Ханекин, Синджар и Махмур с территорией восемьдесят тысяч квадратных километров и общим населением около шести миллионов человек, и есть понятие Курдистанский регион, записанное в Конституции Ирака, – он включает в себя только первые три мухафазы из названных. Судьба оставшихся областей, населенных преимущественно курдами, должна была решиться на референдуме – но он так и не был проведен по разным причинам. Референдум проведен не был – но проблема-то осталась, и болевая точка осталась.

Следует помнить и гражданскую войну в Курдистане между Демократической партией Курдистана, созданной племенем Барзани во главе с шейхом Мустафой Барзани, и Патриотическим союзом Курдистана племени Талабани. Их создание – это долгая история, полная ужаса и крови, это времена правления Саддама Хусейна, когда на курдские деревни обрушивались химические снаряды, дома сносили бульдозерами, а колодцы бетонировали, и все это получило название Анфаль – так Хусейн назвал операцию по окончательному решению курдского вопроса. По сути – это была обычная междоусобица, связанная с тем, что Талабани и его партия решили захватить власть во всем Курдистане. Барзани в этой войне дискредитировал себя, обратившись за помощью

к Хусейну – но им он сам и его партия сохранились и конкурировали с Барзани и после падения режима Хусейна. В итоге – даже сам Курдистан нельзя было считать единым, Демократическая партия Курдистана главенствовала на севере и держала столицу Эрбиль, а Патриотический союз Курдистана главенствовал на юге курдских провинций, имея даже собственную неофициальную столицу – Ас-Сулейманию. Киркук, главная точка интереса в регионе, находился на территории, контролируемой ПСК, – но при этом расстояние от Киркука до Эрбиля и от Киркука до Ас-Сулеймании было примерно равным. Более того, большинство населения в самом Киркуке составляли не курды, а ненавидящие курдов арабы и туркоманы. А это был прекрасный повод для гуманитарного вторжения Турции.

Взрывоопасная ситуация, ничего не скажешь...

На описываемый момент Курдистан имел собственную валюту – курдский динар, собственный законодательный орган власти – Национальную ассамблею, собственные вооруженные силы – пешмергу[1], собственное законодательство, собственную службу безопасности Асаиш, организованную при помощи израильских инструкторов, спутниковые телеканалы (эрбильский «Kurdistan-TV», сулеймانийский «KurdSat»), четыре университета (в Сулеймании, Эр-

[1] Восемьдесят тысяч человек, с тяжелой техникой, возможно и с вертолетами, с танками. Кроме того, у курдов богатый опыт террористической войны против Турции и Ирана, так что пешмерга опасна.

биле, Дахуке и Кифри), аэропорт в Эрбиле имел статус международного. При этом курды не отрицали, что являются и гражданами объединенного Ирака тоже, на территории Курдистана проводились выборы, и курдские депутаты заседали в иракском парламенте. Курдом был бывший президент Ирака Талабани, курды занимали одну из двух вице-премьерских должностей и на данный момент семь министерских постов, что даже превышало их национальную квоту[2]. Ситуация с Курдистаном была ненормальной, но никто не хотел раскачивать лодку – понимали, насколько взрывоопасна ситуация в стране. Относительно Курдистана были две болевые точки – нефтяные поля в районе Киркука, богатые нефтяные поля, находящиеся на самой границе шиитской и курдской зон влияния. Эти поля представляли собой шестое по размерам месторождение нефти в мире, причем они долгое время вынужденно не эксплуатировались, и эксплуатация начиналась только сейчас, при текущих ценах на нефть в двести одиннадцать долларов за баррель[3]. Все понимали – при расколе страны за эти поля начнется просто убийственная схватка. Вторая болевая точка – позиция по Курдистану Турции, лидера в регионе. Турции было совершенно не все равно – будет существовать независимый Курдистан или

---

[2] Это было связано с тем, что шииты и сунниты люто ненавидели друг друга, а курды в данном случае были как бы над схваткой, и чтобы «ни вам ни нам» – ставили именно курдов.

[3] Радоваться нечему. Инфляция по доллару за 2014 год составила 14%, для резервной валюты мира это убийственно.

нет, потому что на территории Турции существовали районы преимущественно с курдским населением – хотя Турция вообще не признавала факта существования курдского народа, называя их горными турками[4]. А курды в ответ на репрессии против своих сородичей по ту сторону границы могли обрушить вал репрессий на живущих на своей земле туркоманов. Однако внешне Турция вела себя удивительно пассивно, и наперебой звучавшие прогнозы о возможной аннексии Турцией северного Ирака не подтвердились до сих пор.

Пока....

Был хороший летний день, первый день наступившего лета. Было солнечно – но над городом висел ощутимый смог от не так давно открывшегося и работающего на полную мощность нефтеперерабатывающего завода, технологии которого были... мягко скажем, не самые современные. От такого смога, относимого ветром на горы, желтели и гибли только прижившиеся деревца, упорно высаживаемые правительством Курдистана, – Саддам Хусейн первым делом приказывал вырубать все леса, курды упорно их восстанавливали, потому что на самом деле в северном Ираке должно быть полно лесов, местность очень лесистая. Город просыпался, машины ехали по своим делам, дети играли на улицах, чи-

---

[4] Тема это сложная и взрывоопасная. Рискну предположить, что курды – это автохтонное население этих мест, сохранившее зороастрийство после мусульманских набегов. В горах, где и живут курды, проще укрыться во время набега. А турки – то же население, только принявшее ислам и смешавшее свою кровь с арабской кровью захватчиков.

стых и широких, особенно в пригороде. А вот несколько десятков человек, собравшихся в этот час в нескольких километрах от пригорода Салах-Ад-Дина, родового гнезда президента Курдистана Барзани, решили, что этот день должен стать последним мирным днем на этой земле.

Главным среди них был человек, известный как Хаджи, чрезвычайно опасный террорист – суннит, прибывший сюда после гибели Аббаса аль-Касема, по прозвищу аль-Мах-хам. Гибель эта была не благом, она была бедствием, потому что аль-Касем в душе все-таки был государственником и патриотом, родившимся в нормальном государстве, с нормальной властью и лишь волею судьбы ставший опасным террористом. В чем-то его судьба была схожа с судьбой Гульбеддина Хекматьяра, в молодости тоже никакого не исламиста, а патриота Афганистана. А вот Хаджи... у Хаджи была сложная судьба, сложно было понять все ее извилистые перипетии. Хаджи вообще был палестинцем, хотя про то давно уже забыл. На западном берегу реки Иордан он стал террористом, потом, спасаясь от израильских служб безопасности, переехал в Иорданию – но там ему дали понять, что Его Величество не намерен терпеть на своей земле таких гостей. Сменив паспорт, он переехал в Турцию – и вот тут-то почти сразу попал в руки даже не турецкой полиции и не разведки, а Серых Волков. Это была одна из тех групп волков, которые прикидывались исламскими экстремистами, на самом деле таковыми не являясь, – Волки были государственника-

ми и турецкими фашистами, а не религиозными экстремистами, но отменно действовали под прикрытием. Хаджи сделали карьеру – несколько убитых полицейских, даже двое – в Турции, и террористический акт в Багдаде в одиннадцатом, когда погиб сорок один человек, – все это реально было, и все это было шагами по внедрению Хаджи в исламское террористическое подполье. Серые Волки играли Хаджи, и не только его – втемную, они не требовали от агентов предавать своих соратников по террористическим сетям и разрешали непосредственно участвовать в терактах – этим объяснялась необычайная устойчивость турецкой агентуры в террористических организациях исламистов. Когда агентура заняла те позиции, которые было необходимо занять, настало время сделать следующий шаг, и он был сделан. Спецотрядом турецкой разведки был ликвидирован наиболее опасный конкурент и координатор террористической сети в регионе, человек из саудовской королевской семьи. Учитывая, что большинство контактов держал в своих руках этот человек лично – на Востоке вообще очень многое держится на личных контактах и связях, – со смертью этого человека саудовская разведка и саудовский королевский дом утратили возможность управления вскормленным ими монстром. Вместе с саудитом был ликвидирован чрезвычайно опасный, глубоко внедренный в иракские силы безопасности человек, которого турки оценили как единственного, который может исполнять роль лидера сопротивления даже при гибели коорди-

натора и который может в этом случае восстановить связь с саудитами. Когда оба этих человека погибли, суннитское подполье де-факто распалось на несколько изолированных групп, одну из которых возглавил как раз агент влияния турецких Серых Волков по кличке Хаджи. Ему передали приказ, вполне нормальный приказ, именно такой, какой ожидает получить террорист-суннит. Он бросился его исполнять, даже не задумавшись над тем, что будет потом. Туркам же он был нужен – но только до того, как он выполнит этот приказ. После агента можно было бросить на произвол судьбы, даже если бы он попался... скажем, американцам, линия связи, по которой был передан приказ, была одноразовой, и американцы уткнулись бы в тупик при первом шаге по следу. Что ни говори, а человек по имени Забит, отвечающий за острые акции в регионе, был опытным разведчиком и мог переиграть кого угодно.

А пока Хаджи, одетый так же, как и его бандиты – форма от Blackhawk, разгрузка, рация, автомат Калашникова, черные очки и легкий шлем с креплением для ПНВ, – нервно метался на обочине дороги, смотря на часы каждые пять минут. Их козырь, человек, от которого зависел успех предстоящей акции, запаздывал...

После гибели столь важных персон в суннитском сопротивлении, как аль-Макхам и его отец – человек, пользующийся уважением и авторитетом, имеющий право толковать Коран, – обстановка в стране обострилась. Произо-

шло уже восемь террористических атак, из них три – в Киркуке, была предпринята попытка нападения на нефтепромыслы, успешно отбитая силами безопасности. Прогремел взрыв и у шиитской мечети в Багдаде. Суннитская община колебалась относительно того, кто мог совершить эти убийства, столь неосмотрительно нарушив хрупкое равновесие – шииты или все же курды. Даже количество террористических «актов возмездия» было равным – четыре против шиитов и четыре против курдов. Большинство все-таки склонялось к шиитскому следу...

– Где он, шайтан его забери!

– Он уже едет, амир... – миролюбиво сказал один из боевиков, одетый так же, как и амир – под частного военного контрактора.

По дороге сплошным потоком шли машины – но эта выделялась своей мощью, такие были редкостью даже для этих невеселых мест. Бывший военный танковоз «Ошкош», который выкупили у американцев списанным вместе с приспособленной под его седло огромной цистерной, предназначенной изначально для заправки танков. И сам седельный тягач, и цистерна были бронированы – тягач был бронирован в заводском исполнении, а тут, на какой-то американской базе на него навесили противогранатные решетки. Навесили броню и на цистерну, изначально она шла не бронированной, но условия Ирака заставляли бронировать все, от и до. Остановить этого монстра могла лишь скорострельная пушка... на-

верное.

Такие машины на нефтепромыслах не были редкостью – в Курдистане действовало никогда ранее не существовавшее исламское террористическое подполье Ансар аль-Ислам, поддерживаемое Ираном, террористы обстреливали объекты нефтепереработки, нападали на полицейских и чиновников, убили губернатора Франсо Харири. Редкостью они были здесь, на дороге на Сулейманию – тут в основном ходили машины с трубами, потому что под Сулейманией работал трубопрокатный завод. Впрочем... мало ли...

Бронированный гигант свернул на обочину, пропылил по ней пару сотен метров, прежде чем окончательно остановиться. Хаджи и его люди, за исключением двоих, оставшихся у машин, побежали за нефтевозом.

Открылась тяжелая дверца, и на землю чуть ли не с двухметровой высоты спрыгнул человек в спецовке канадской Western Oil Sands, занимающейся нефтедобычей в южном Курдистане. Человек этот был уникален – курд и в то же время исламский экстремист.

Обнялись – с каждым. У человека в спецовке были расширены зрачки, как будто он ширнулся героином, которого в Ираке раньше не было, а теперь пруд пруди, или покурил марихуаны. Может быть, так оно и было...

– Приветствую тебя именем Аллаха, брат! – сказал человек несколько замедленным, расплывчатым голосом. – Да направит Аллах наши стопы на путь истины, жертвенности

и джихада. Аллах акбар!

– Аллах акбар, брат! Я завидую тебе, сегодня ты увидишь Аллаха.

– Придет и твой черед, брат. Что же касается меня, то я недостоин одного лишь взгляда Всевышнего!

– Нет, ты достоин, и там ты встретишь своего родного брата, ушедшего к Аллаху раньше тебя, и других твоих братьев по джихаду, и все они приветствуют тебя. Вы будете вкушать райскую пищу в зобу у райских птиц, наслаждаясь общением друг с другом. Все те, кто стал шахидом на пути Аллаха, – все они живые перед Аллахом и получают удел у своего Господа вместе с пророками, правдивыми мужами, павшими мучениками и праведниками, которых облагодетельствовал Аллах. Как же прекрасны эти спутники!* О Аллах, укрепи наши стопы на Твоем пути. Сделай наше поколение причиной возвышения Твоего слова на этой Земле. И сделай нас причиной унижения кафиров, дай нам увидеть их худшие дни. Господь наш, не делай нас искушением для тех, кто не верует, не наказывай нас их руками и не насылай на нас мучение от Тебя, чтобы они были выше нас, ведь Ты могущественный, мудрый. Даруй нам праведное потомство, которое будет возвышать Твое слово после нас.

– О брат! – воскликнул курд. – Сам пророк не смог бы сказать лучших слов, чем ты, брат. Аллах да благословит тебя!

* * *

Примерно в паре километров от того места, где стоял этот грузовик и где стояли боевики-сунниты, лежали два человека, накрывшись маскировочными накидками. У них с собой было два автомата, а вот винтовки, тем более такой, чтобы стрелять на два километра, не было – хотя турецкая оружейная индустрия уже два года как выпускала винтовки калибра 416. Чуть в стороне они замаскировали мотоцикл, легкую кроссовую «Ямаху», а километрах в десяти был замаскирован автомобиль «Шевроле Субурбан», в который при необходимости могли поместиться и они двое, и этот мотоцикл, и еще двое с мотоциклом – хорошая, в общем, машина, просторная. Зато у двоих, что заняли позиции, был великолепный прибор наблюдения, который был изготовлен в США как любительский астрономический прибор наблюдения, потом его переделали для военных целей. Его преимуществом было то, что он не относился к военному оборудованию, а кроме того, он мог напрямую шнуром подключаться к ноутбуку и передавать информацию. Оригинальное программное обеспечение позволяло автоматически опознавать звезды и созвездия на небосводе; то, что поставили на него турецкие специалисты, позволяло опознавать попавших в кадр людей, писать потоковое видео и делать отдельные снимки. Именно этим сейчас наблюдатели и

занимались...

– Внимание... контакт.

– Есть...

Второй наблюдатель, работающий у ноутбука, поймал удачу – главный среди террористов развернулся так, что удалось сделать относительно пригодный для опознания снимок. Сейчас компьютер сравнивал компьютерную модель лица террориста с имеющимися в базе данных, второй наблюдатель просто наблюдал.

– Они встретились. Обсуждают что-то.

Операция контролировалась турецкой разведкой, хоть и не жестко, на уровне мониторинга ключевых событий. После гибели одного из лидеров суннитского сопротивления возникли улики, указывающие на причастность к событию курдов. Президент Мустафа Барзани, сейчас уже бывший, но в качестве депутата по-прежнему играющий весомую роль в политике страны, привел во власть общеиракского уровня немало курдов. До того как они были над схваткой – это считалось нормальным и даже желательным. Сейчас, после убийства аль-Касема, ситуация резко изменилась, курды уже не считались нейтральными, а акция возмездия была просто обязательна для суннитов, чтобы не потерять уважение как среди иракских соплеменников и братьев по вере, так и среди зарубежных спонсоров. Здесь, в этом жестоком мире, капиталом были не деньги, капиталом было насилие – и если за ударом не следовал ответный удар, речь шла о банкротстве.

– Они пожимают друг другу руки. Обнимаются. Расходятся.

– Есть идентификация. Это Хаджи.

То есть тот, кто и был нужен. Эти придурки заглотили наживку вместе с крючком, и скоро уже курдам придется наносить ответный удар. И они нанесут... такой, какого уже давно не было.

– Хаджи.

– Шестьдесят пять процентов. Больше не сделаешь, мешает борода и платок. Уходим?

Второй наблюдатель почесал собственную бороду. Как и многие взрослые мужчины-турки, он носил усы, но бороду отпустил, только прибыв в Ирак, потому что здесь человек без бороды бросается в глаза. Борода чесалась и доводила его до бешенства.

– Подождем... Спешить некуда...

В паре километров от них с обочины тяжело трогалась цистерна, к ней пристраивались машины охраны...

* * *

Несмотря на то что охрану ставили израильтяне, первый пост они миновали беспрепятственно, чего при настоящих израильтянах сделать бы никогда не удалось. Первый пост был на самом въезде в город, он был построен из стандартного бетонного набора для блокпоста НАТО, возле него сто-

ял легкий бронированный внедорожник фирмы Plasan Sasa, «Израиль» с пулеметом «М240» и тяжелый, грузный украинский бронетранспортер БТР-4, которыми была вооружена вся иракская армия, – этот был вооружен тридцатимиллиметровой пушкой и ракетами. Такой блокпост мог остановить группу террористов... если бы дежурные не получали в месяц столько, сколько едва хватало на неделю. Поэтому несколько бумажек с портретами мертвых американских президентов перекочевали из рук в руки – и солдат пешмерги приветственно махнул рукой, открывая проход. Небольшая колонна террористов проехала в город...

* * *

И лишь когда колонна, пройдя по тихим, низкоэтажной застройки пригородам, вывернула на одну из главных улиц города, ведущих к штаб-квартире Демократической партии Курдистана – вот тогда службы безопасности начали понимать, что происходит что-то неладное...

Бело-синий пикап «Форд Рейнджер» с пулеметчиком в кузове опасно развернулся и с воем сирены покатил, набирая скорость, за бронированным мастодонтом. Террористы перехитрили сами себя: полицейские, увидев два «Шевроле Субурбан», типичные машины для местной службы безопасности, предположили, что они пытаются остановить грузовик, возможно, угнанный – он и впрямь не должен был

находиться там, где находился. Развернув машину и бросив ее в погоню за грузовиком, они не ожидали того, что произойдет дальше. Один из «Субурбанов» резко сместился вправо, перекрыв дорогу полицейским, одновременно открылись створки багажного отсека, в котором была смонтирована капсула безопасности, – но сейчас она была открыта, и на полицейских глядело черное дуло револьверного гранатомета «MGL-140», нацеленное на полицейскую машину метров с двадцати...

Полицейский выкрикнул что-то, но сделать уже ничего не смог. Первая граната врезалась как раз в стойку пулеметной турели и изорвала, отбросила взрывом пулеметчика, вторая угодила точно в лобовое стекло – и оно провалилось внутрь, влетело в салон вместе с осколками. Стекло было укреплено пленкой, а на полицейских были шлемы – но помогло это мало. Машина резко повернула влево, ударилась обо что-то и перевернулась...

Карты на столе...

Во второй машине гранатометчик прицелился в блок-пост со стоящим там бронетранспортером, который еще не целился в них из гранатомета «Мк777» с баллистическим вычислителем – «РПГ-7», производимый в США и широко используемый частными военными компаниями. То ли баллистический вычислитель не подвел, то ли стрелок обладал большим опытом – но граната, китайская, с тандемной боевой частью сработала на славу. Пробив решетки, которыми

был обвешан – на манер «Страйкера» – БТР-4, она ударила украинский БТР точно в лоб, не отрикошетила, и бронетранспортер задымился, зачадил, выведенный точным попаданием из строя...

Террористы, с подножек замедливших ход машин, вели огонь по блок-посту, прикрывающему подходы к зданию штаб-квартиры Курдской Демократической партии Курдистана, бросали гранаты, прикрываясь широко открытыми дверями «Субурбанов» – точно так же американские инструкторы учили спецкоманды SWAT[5]. Теперь навыки, полученные у американцев, пригодились...

* * *

Сидя в бронированной кабине, вознесенной чуть ли не на два метра над землей, водитель «Ошкоша», в цистерне которого было больше двадцати тонн (!!!) самодельного напалма, которого звали Дауд, с трудом соображал, что происходит, его разум мог осознать только простые вещи и давать простейшие команды телу. Он и в самом деле был водителем грузовика, управлял сейчас им на автомате, ничего не соображая, потому что перед поездкой он принял дозу героина. Героин всегда можно было достать у братьев – а им, в свою очередь, присылали почти бесплатно афганские братья,

[5] Полицейский спецназ. В Ираке он называется на американский манер.

у которых этого добра было навалом. Дауд был начинающим наркоманом и еще мог контролировать себя. Но что происходит вокруг – он понимал с трудом.

Все, что он знал – так это то, что он должен довести машину до здания, которое ему несколько раз показывали на фотографиях, и что братья помогут ему. Потом он нажмет на кнопку пульта, который прикреплен под рулевым колесом и...

Аллаху акбар!

Рай, семьдесят две девственницы, высшее общество и все такое. Дауд надеялся, что героин в раю тоже найдется, если попросить.

Он повернул на улицу, большую и широкую... одна из машин братьев следовала впереди, показывая, куда надо ехать, – и вдруг вой сирены донесся до него даже сквозь шумоизоляцию кабины. Нахмурившись, он посмотрел в зеркало бокового обзора, большое, как лопух, и увидел, что за ним едет полицейская машина.

Идиоты... что им надо? Наверное... хотят бакшиш.

Машина братьев резко приняла вправо... и перед ним не осталось никого. Кроме дороги с машинами и блокпоста...

* * *

– Аллах акбар!!!

На какой-то момент показалось, что курдским полицей-

ским удалось если и не справиться с ситуацией, то блокировать бандитов и не допустить их прорыва к самому блокпосту. Из тех, кто находился на посту, семеро уже были ранены или убиты, но остальным удалось занять оборону в здании чек-пойнта и открыть пулеметный огонь. Пулемет этот – старый «ПК», который турецкие курды взяли трофеем у турок еще в девяносто седьмом – не способен был пробить броню «Субурбана», но вот держать бандитов на расстоянии от блокпоста вполне был способен. «Субурбаны» не могли подъехать к чек-пойнту вплотную, им мешали скопившиеся у КПП машины, водители которых кто лежал на полу и молил Аллаха о прощении, кто выдернул ключи из замка зажигания и дал деру. Брошенные машины были укрытием для бандитов – но укрытием от наблюдения, а не от пуль, «ПК» пробивал кузов насквозь. Поняв, что прорыв на скорости срывается, бандиты взревели: «Аллах акбар!» – и одновременно бросились вперед, стреляя из автоматов. Упал убитым еще один курдский полицейский – пуля попала в смотровую щель блокпоста, но ответный огонь «ПК» убил двоих из нападавших, ранил еще одного и сбил наступательный порыв арабов. Полицейским торопиться было некуда... через несколько минут появится подкрепление, автомобили террористов блокируют и уничтожат. Удивительно, но и эти полицейские не поняли, что огромная цистерна на дороге – это готовая бомба, которая может снести полгорода. По цистерне они, наоборот, старались не стрелять.

Хаджи, выстреляв по вспышкам магазин и видя, что пули без толку бьются о бетон, бросился назад, к машине, доставая пистолет. Он не собирался просто так от всего отказываться. Подтянувшись на руках, он забарабанил пистолетом по бронестеклу кабины.

– Открой!

Дауд сначала не понял, что от него хотят, тупо посмотрел в стекло. Он просто ждал, пока можно будет проехать.

– Открой, во имя Аллаха!

Лязгнула защелка.

– Брат... тут не проехать...

– Подвинься!

Хаджи выпихнул обдолбанного наркотиками водителя на соседнее сиденье, сам сел за руль, включил пониженную передачу, как при езде по бездорожью, – она тут была, и плавно нажал на газ. Машина величественно тронулась...

* * *

– Смотрите!

– О Аллах, помоги!

В начале улицы появился бронированный «Хаммер» с крупнокалиберным пулеметом в башне, переданный Курдистану американцами по программе помощи, следом за ним ехал бронетранспортер «ILAV» – что-то вроде двухосного «MRAP», только намного длиннее. Это была группа немед-

ленного реагирования, охранявшая штаб-квартиру КДП.

Полицейские увидели это – помощь была близко, – но крики восторга почти сразу сменили крики ужаса. Огромный, возвышающийся над потоком машин бронированный «Ошкош» с большой цистерной на прицепе взревел мотором и пошел напролом, сгребая таранным бампером сгрудившиеся перед блокпостом машины.

– Стреляй в него, брат[6]!

Пулеметчик перевел ствол на взбесившегося монстра, выпустил длинную очередь, другую – но пули лишь бессильно высекали искры из брони. Машина была защищена на совесть...

– Он не останавливается!

В этот момент чья-то очередь попала в цель, и пулеметчика отбросило от пулемета...

– Остановите его!

«Хаммер» и бронетранспортер подъехали ближе, перегородив дорогу, из них выскакивали, рассыпаясь в цепь и стреляя на ходу, курдские стрелки. Басовито ударил крупнокалиберный, стрелок не стрелял по бензовозу, опасаясь взрыва, но бензовоз остановился и без этого. По настоянию израильских и американских инструкторов курды перед каждым чек-пойнтом не просто разложили бетонные блоки, сделав «елочку»[7], но вбили в асфальт толстые стальные штыри

---

[6] Типичное обращение курдов друг к другу. Там все друг другу братья.

[7] Бетонные блоки, выложенные в шахматном порядке так, чтобы машина была

и приварили к ним блоки. Первый ряд блоков сдвинулся, но второй устоял. Блоки и раздавленные всмятку машины образовали что-то вроде баррикады, через нее было не проехать.

Со стороны «Хаммера» один за другим ударили два мощных, хлестких выстрела, после первого двигатель «Ошкоша» взвыл на немыслимо высокой ноте, а после второго заглох. Снайпер, вооруженный «Барретт-82», ударил прицельно по моторному отсеку машины – и вторая пуля вывела двигатель из строя...

Чья-то очередь прошлась по лобовому стеклу «Ошкоша», оставив пятна мутных, белесых разводов. Пока по машине не стреляют, боятся взрыва бензина – но скоро начнут. Или предложат сдаться. Да какая разница...

Не обращая внимания на что-то бормочущего водителя, Хаджи достал мобильный телефон, куда он только недавно переписал очень важный отрывок лекции одного уважаемого в среде воинов джихада шейха. Его нельзя было носить при себе, этот отрывок, – полицейские останавливали людей, проверяли, что у них записано на мобильном телефоне. Если кого-то брали по подозрению в принадлежности к террористам и доставляли в полицию, то полицейские тоже проверяли мобильный телефон, если находили что-то подобное этому – жестоко избивали, иногда до смерти. Слуги тагута боялись, боялись чистой, как слеза ребенка, истины, заключающейся в этих мудрых словах. Слуги тагута ходили с ав-

---

вынуждена петлять мимо них на небольшой скорости.

томатами, в бронежилетах, они ездили на машинах, которые нельзя было взорвать, – и при этом они боялись всего лишь слов, простых слов. Слов, в которых была заключена истина.

Хаджи не хотел умереть, не прослушав этих слов, он записал их утром и не успел прослушать. Он нашел нужный отрывок, поставил на воспроизведение и включил динамик на максимум, погружаясь в обволакивающую мудрость слов, как в купель....

Поистине эти мученики вырвались на свободу из оков этой материи, чтобы достигнуть богатства и счастья, и они прибыли на землю Афганистана, живя в горах Афганистана, пока Аллах не удостаивал их мученичеством.

Мы просим Аллаха присоединиться к ним в самой высокой степени Рая, с Пророками, праведниками, мучениками и правдивыми, и чтобы Он благословил нас мученичеством на Его Пути, и чтобы Он запечатал нас Печатью Счастья, о Благородный.

Так что, о носители идеи и о носители призыва, не будьте скупы с вашей кровью для этой религии. Если вы действительно являетесь серьезными и искренними, то положите вашу кровь и души перед Господом Миров, который дал их вам изначально, а затем купил их у вас:

«Воистину, Аллах купил у верующих их жизнь и имущество в обмен на Рай. Они сражаются на пути Аллаха, убивая и погибая...»

О молодежь! О сыны Ислама! Что очистит наши грехи?

Что очистит наши ошибки? И что очистит нашу скверну? Она не будет смыта, кроме как кровью мученичества, и знайте, что нет никакого пути, кроме этого Пути. В противном случае – Расчет будет труден, Весы ждут, Мост готов, и ваше время заканчивается, так что учтите это...

И мир и благословения нашему Пророку Мухаммеду и его семье и сподвижникам...[8]

Да, это и в самом деле так. Это сказано про Афганистан – но разве здесь не то же самое? Разве в Сомали не то же самое? Разве в Йемене не то же самое? Они убивают неверных, и лучшие возносятся на небеса, где их ждет Аллах, но разве это напрасно? Ведь капля точит камень, и дорога к свободе может быть проторена только праведниками, гибнущими на этом пути, но не отступающими от него. Правильно сказано: нет никакого пути, кроме этого пути...

«Никоим образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа, радуясь тому, что Аллах даровал им по Своей милости, и ликуя от того, что их последователи, которые еще не присоединились к ним, не познают страха и не будут опечалены. Они радуются милости Аллаха, и щедрости, и тому, что Аллах не теряет награды верующих»[9].

Да, все верно. Настала пора ему проверить свою веру, на-

---

[8] Из лекций шейха Абдуллаха Аззама под названием «Завещание Шахида» и «Послание от шейха Шахида ученым».

[9] Аль-Имран, 169—171.

стала пора ему положить свою жизнь перед Господом Миров...

Пуля пятидесятого калибра ударила в окно и выворотила его, но каким-то чудом не коснулась его, и он окончательно понял – пора. Он нагнулся и нащупал под рулевой колонкой переключатель.

– Иншалла! – заорал Хаджи и передвинул переключатель, моля Аллаха, чтобы сделанный неверными на какой-то китайской фабрике переключатель не подвел его и он вознесся и предстал перед Аллахом с чистыми помыслами и Его именем на устах.

Переключатель не подвел...

06 июня 2014 года
Ирак, Киркук
Центр города

Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк его!

Трудно даже сосчитать, сколько немыслимых зверств осенялось этими словами...

Сегодня была пятница, джума, выходной день – а значит, Махмуд, разнорабочий на приисках, араб и уроженец Сулеймании, пошел в мечеть совершить пятничный намаз, отдать долг Аллаху. Точно так же поступили и многие другие жители Киркука – Киркук благодаря близости Курдистана и наличию нефтяных промыслов был одним из немногих городов в современном Ираке, которые можно было бы назвать многонациональным и многоконфессиональным. Именно поэтому город стал очередной целью для удара по и так хрупкому, как стекло, гражданскому миру в Ираке.

Махмуд родился в Сулеймании потому, что Саддам Хусейн, проводя политику арабизации этих земель, переселил на исконно принадлежащие курдам земли немало арабов, бесплатно раздавая им землю, которая была намного более плодородна, чем на юге. Переселились в Сулейманию и отец с матерью Махмуда, причем у матери Махмуда Аллах уже сотворил во чреве, и поэтому Махмуд родился уже в Сулей-

мании.

Потом – Махмуду было лет пять – Саддам проиграл Умм-аль-маарик, и союзники решили запретить Саддаму расправляться с курдами, проводить политику насильственной арабизации иракского Курдистана. Была установлена зона, запретная для полетов, и Саддам уже не мог посылать против курдов самолеты и вертолеты. Сами курды, окрепнув, создав боевые организации – пешмергу, и получив помощь в Иране и Турции, у которых были свои виды на эту землю, стали возвращаться на родину, находя там переселенцев-арабов. Естественно, курды не собирались сносить обиду, и напряжение между арабами и курдами то и дело взрывалось кровавыми драками, а то и перестрелками. На полицию рассчитывать было нечего.

Сколько Махмуд помнил – они всегда дрались. Пацаны делились на две группы – арабов и курдов, и они всегда дрались. Ни разу не было случая, чтобы курд помог арабу или араб помог курду – они по-настоящему ненавидели друг друга.

* * *

То, что произошло в городе Салах-ад-Дин, было настолько ужасно, что не укладывалось в голове. Двадцать с лишним тонн какого-то вещества, сильно похожего на напалм – бензин с загустителем и алюминиевой пудрой, – взорвались

прямо в центре города. Говорили многое... но говорили те, кто этого не видел, потому что те, кто видел, в живых не остались. Кто-то говорил, что огненный шар, взвившийся над городом, был высотой метров в пятьдесят, кто-то говорил про сто – как бы то ни было, чудовищный шар этот при горении выпил весь кислород, и получилось, что в городе как будто взорвали сверхмощную бомбу объемного взрыва. Все люди, которые были рядом со взрывом, – моментально испепелились, а кто был дальше – тоже умерли, потому что огонь забрал весь кислород из легких и нечем было дышать. После взрыва поднялся ужасающий ветер, он дул в направлении эпицентра и был так силен, что людей где просто сшибало с ног, а где подхватывало и бросало в пламя, которое обращало их в пепел. Огонь смогли потушить только через пару часов, потому что он горел так, что бессильна была даже вода. Потушили нефтяники, прибывшие к месту взрыва – они специализировались на тушении горящих нефтяных скважин и знали свое дело. Они же сказали, что к бензину было подмешано еще что-то, что-то, что не дает тушить пожар.

Количество погибших было неизвестно до сих пор. Ясно было только одно – их тысячи. Многих невозможно было сосчитать по одной простой причине – они сгорели дотла, и от них ничего не осталось, кроме пепла.

Естественно, курды должны были отомстить. Они не могли не отомстить – хотя бы потому, что иначе перестали бы

быть курдами.

Итак, сегодня была джума, и Махмуд пришел в мечеть. Имам был на месте, и он пришел вовремя, поэтому он расстелил свою саджаду[10] и вознес мольбу Аллаху. Рядом с ним были такие же, как он люди, мусульмане-сунниты, они молили Аллаха о прощении грехов, о ниспослании добра – ракат за ракатом, они становились единым целым, и те, кто молился в мечети, и те, кому не хватило места, и кто молился во дворе. Здесь каждый был братом... и, наверное, даже больше, чем братом...

Потом, прочитав последний ракат, правоверные начали вставать, сворачивать коврики, тихо переговариваясь друг с другом, и Махмуд раздумывал, идти ему сегодня в мадафу, где безбожно дерут за чай, или все-таки зайти в газахури[11] и там за эти деньги не только выпить чая, но и поесть. Вот только не суждено было Махмуду посетить ни мадафу, ни газахури – потому что на улице застрочил автомат и звякнуло, рассыпаясь от пуль, стекло.

– Курдистан на ямман! – Старый четырехдверный пикап остановился напротив мечети как раз тогда, когда мусульмане выходили из нее после пятничного намаза, и три автомата почти в упор ударили по толпе...

---

[10] Молитвенный коврик.

[11] *Едальня (фарси)* – дешевое и грязное место, примерно как наша рюмочная или пельменная в советские времена, только еще грязнее и дешевле. В Киркуке это заведение называлось именно так, на фарси, потому что было много шиитов.

Кто-то бросился на землю, кто-то не успел...

Расстреляв магазины, машина с курдами рванулась вперед, уходя по улице в сторону базара... там, в случае чего, можно было выскочить и затеряться в толпе, но курдам уйти было не суждено. Какой-то герой резко перегородил машине убийц дорогу своей машиной, с жестяным грохотом машины столкнулись. Из пикапа выскочили курды, перезаряжая на ходу автоматы. Впереди был базар – а там еще со времен Хусейна больше половины торговцев именно курды....

– Стреляют! – резко закричал кто-то в мечети. Если в другой стране все бы бросились наутек, то в этой стране слишком много стреляли последние тридцать лет – правоверные бросились на выход из мечети, на улицу, туда, где стреляют...

Махмуд побежал со всеми...

На выходе на улицу во дворе – кровь. Крови столько, что в некоторых местах она стоит лужами, но в основном это мазки – на асфальте, на заборе – брызги крови, как будто сумасшедший художник хлестанул наугад кистью. Людской водоворот, белое и красное – оттаскивают убитых, помогают раненым и одновременно едва не затаптывают их.

– Убивай! Вон они!

История человечества полна такими криками – с них начинаются революции и кровавые мятежи. Вон они! Убивай! Неважно, кто они и почему это сделали – заумные политологи и психологи, пишущие доклады о национальном примирении, пусть идут ко всем чертям. Вот кровь, вот убитые

соплеменники – а вон и их убийцы с автоматами, пытаются уйти. И какая разница, что за несколько дней до этого твои соплеменники заживо сожгли на порядок больше их соплеменников. Вон они! Ату их, держи! Не уйдут! Убивай!

Убивай...

Разъяренная толпа увлекла за собой Махмуда, и через пару секунд он сам уже мчался по улице, выкрикивая ругательства. Курды бросились наутек, один пацан обернулся, нажал на спуск – но автомат заклинило, а в следующую секунду какой-то выскочивший сбоку пацан подставил ему подножку, и он грохнулся на асфальт со всей дури. Поднимаясь, он заорал от ужаса – толпа накатывалась на него, орущая, злобная, подняться он не успевал – так и сгинул, разорванный на части и растоптанный.

Двое других курдов проскочили на рынок. Загремели выстрелы.

– Бей!

Толпа разъяренных суннитов ворвалась на рынок, Махмуд осознал себя тогда, когда у него в руке была какая-то палка и он ей кого-то бил, а рядом кто-то кого-то топтал ногами. Где-то раздавались выстрелы, где-то выли сирены – но это все было не больше чем тушить горящую скважину с нефтью пожарной машиной.

Человек, которого Махмуд бил палкой, уже не шевелился, основной людской вал прокатился дальше, сейчас на рынке грабили, убивали, жгли, насиловали, насилие волнами рас-

пространялось по городу. Торговали здесь в основном с контейнеров – не выдержали даже они, какие-то были снесены, где-то уже копошились мародеры.

Махмуд посмотрел на руку – она болела, на палку – палка была в крови, бросил палку и пошел к выходу. Голова тоже болела.

Навстречу ему попался какой-то человек, у него было что-то с головой – волосы покрыты запекшейся коркой крови, совершенно безумный взгляд и счастливая улыбка. Этот человек перехватил Махмуда, потащил его за руку к контейнеру, уже разграбленному.

– Не ходи туда, брат, там полиция. Будут стрелять.

На улице уже в самом деле стреляли, и стреляла не только полиция.

– Полиция?

– Надо где-то взять оружие... – Человек потряс головой, потом достал из кармана кусок лепешки и протянул его Махмуду:

– На, брат, поешь.

Махмуд вспомнил, что он, кажется, и в самом деле собирался после пятничного намаза пойти и поесть. Он взял лепешку, посмотрел на нее – на ноздреватой поверхности хлеба отчетливо были видны бурые пятна. Кровь...

Махмуд шагнул в сторону – и его вырвало...

05 июля 2014 года
Операция «Гнев Господа»
Северная группа целей
Оперативная группа «Моисей»
Иракский Курдистан, западнее города Мосул

Операция началось этой ночью, причем неожиданно и при неоконченной подготовительной стадии. Просто в Ираке ситуация обострилась настолько, что это угрожало срыву всей операции и было решено – сейчас или никогда.

Их группа – группа «Моисей» – была смешанной, в нее входили специалисты ВВС, гражданские специалисты и сотрудники МОССАД, а также один представитель парашютно-десантного отряда «Саарет Маткаль». Он нужен был здесь для того, чтобы проконтролировать правильность подготовки точки для дозаправки, промежуточного аэродрома для вертолетов, а также как представитель спецотряда – нельзя создавать точку промежуточной посадки без привлечения к этому процессу специалиста из того отряда, который и должен был этим всем воспользоваться.

По поводу промежуточной посадки для дозаправки вер-

толетов при подготовке операции разгорелись ожесточенные споры. В принципе – ничего хитрого, просто доставить туда пару бензозаправщиков или емкости с горючим, перед этим проведя анализ топлива, чтобы вертолеты не вышли из строя от некачественного и не сорвалась вся операция. Проблема была в другом: такая практика была во многом скомпрометирована операцией по освобождению заложников в Иране, когда на точно таком же пункте промежуточной посадки «Пустыня-1» вертолет врезался в самолет, привезший топливо, и вспыхнул, а операцию из-за этого пришлось отменить. Память об этом инциденте была до сих пор жива и играла немалую роль при обсуждении – никто не хотел брать на себя ответственность за «опять». Современные вертолеты спецназа – а «Ясур-2010», несомненно, относился к таким – позволяют производить дозаправку в воздухе с самолетов типа «С130», тем более что такие самолеты у Израиля были и приобрести комплект оборудования для конвертации транспортника в заправщик – проблемы большой не составляло. Проблема была в другом – вертолет все-таки обладает меньшей заметностью, чем самолет, а дозаправку придется производить в непосредственной близости от иранской границы – в зоне досягаемости локаторов и ракетных систем ПВО. И на высоте – дозаправку на минимальной высоте было вести нельзя. Это не менее, а более опасно, чем промежуточная посадка, более проблематично и создает больший риск расшифровки операции – одно дело переоборудовать

заправщики и лететь на них куда-то, пусть даже маскируя это под обычные рейсы, и совсем другое – просто купить несколько бензовозов, залить в них керосин и подогнать в нужное место. Тем более что группа там все равно была нужна, группа управления БПЛА, действующая в зоне «северо-запад». Поэтому все же решились на промежуточную посадку с дозаправкой, а топлива загрузили вдвое от необходимого – чтобы в критической ситуации, если вертолеты по каким-то причинам задержатся над объектом – можно было бы дозаправить их еще раз, пусть даже и под огнем.

Базовым районом для группы поддержки избрали точку северо-западнее Мосула, у самых предгорий и рядом с турецкой границей. Для прикрытия обзавелись документами одной уважаемой нефтяной компании, получили у местных властей разрешение на бурение в этом районе на газ. Купили подвижную буровую установку, несколько других грузовиков, поставили жилой городок – небольшой, быстро развертываемый, нефтяники не любят жить в дикости, даже в поле. Дешевле всего обошлось разрешение на буровые работы – дело было в том, что на этой территории де-факто существовало никем не признанное государство Курдистан со столицей как раз в Мосуле. Юридически это была территория единого (пока еще) Ирака, фактически же это было отдельное государство, с отдельным народом (курдов никак нельзя отнести к арабам), отдельной столицей (Мосул), отдельной армией (пешмерга, силы народной милиции), от-

дельными верованиями (среди курдов почти нет мусульман, и в Курдистане мусульмане составляют меньшинство), отдельной внешней политикой (курды испытывали дружеские чувства к России, ненавидели Турцию и Иран), даже отдельной валютой. Почему-то в маленьких, никем не признанных государствах бюрократия имеет куда меньший вес, чем в нормальных государствах, кроме того, Курдистан нуждался в международном признании, и сам факт того, что именно в Мосул, а не в Багдад обращаются представители крупной международной нефтесервисной компании с целью получить разрешение на пробное бурение – дорогого стоит. Разрешение было получено за два дня, и даже взяток не пришлось платить. Почти...

Места эти были пустынные – дело в том, что курды старались селиться подальше от турецкой границы, через которую приходил охотиться на курдов турецкий спецназ, да и потеплее было на юге и к нефти ближе – а нефтяные поля были единственным надежным и стабильным источником доходов никем не признанного государства. Если бы был вдобавок и газ – было бы намного проще, возможно, поэтому к заявке отнеслись с таким пониманием, и израильтянам удалось с большим трудом отговориться от навязываемой им охраны из пешмерги. Все-таки здесь было неспокойно, хотя террор здесь даже в самые плохие годы американской оккупации был несопоставим с тем, что творилось в шиитском треугольнике.

Израильтян было около пятидесяти человек, технические специалисты и небольшая группа охраны. Оружие не мудрствуя лукаво купили на ближайшем базаре, автоматы, пулеметы, снайперские винтовки, гранатометы – все либо советского, либо местного, либо иранского производства, гранатометы «РПГ», например, во всем Ираке были в основном иранские. Все, кто был на базе, прошли курс подготовки именно с советским оружием, оставалось только пристрелять купленное – и порядок. С собой привезли только пять ПЗРК «Стингер», которые на базаре было не купить – с ними организовали выносной пост наблюдения и прикрытия. Этот пост разместили на горе в паре километров от места бурения и замаскировали. На нем было четыре солдата, в том числе один со снайперской винтовкой и один с пулеметом. Среди них был и Миша Солодкин.

Летели не напрямую – летели длинным, кружным путем, мелкими группами. Из Тель-Авива – во Франкфурт-на-Майне, оттуда – в Дубай, уже по другим, фальшивым, но отлично сделанным специалистами МОССАДа документам. Из Дубая – рейс в Багдад, там пришлось пересидеть два дня. Только после этого – рейсом старого «Боинга-737» – в Мосул.

Пока сидели – на вилле, за пределами зеленой зоны, но все равно в относительно спокойном районе, – командир их группы дал разрешение выйти в город, прогуляться по лавкам. Денег у них было немного – но и без денег можно многое понять и увидеть.

Багдад две тысячи четырнадцатого года от Рождества Христова, во многом восстановившийся после тяжелой войны, был чем-то похож на Ливан, чем-то – на Сайгон и производил довольно тяжелое впечатление. Чтобы спастись от террористических атак, город окружили стеной, отрезав от основного города Садр-Сити, клоаку с двумя миллионами жителей, в основном шиитов, с которыми не смогли ничего сделать даже американцы, а сам город также поделили на сектора. Если бы у новорожденного демократического Ирака не было денег, наверное, все бы кончилось очень быстро, но деньги были, нефть добывалась, и цены на нефть продолжали расти. Багдад – это стальные ставни, сектора безопасности, вертолеты, постоянно кружащие над городом, вооруженные конвои, старые бронемашины, которые скупили по всей Европе. Багдад делился на несколько частей – зеленая зона, то есть правительственный квартал, огороженный отдельно стеной в несколько метров, богатые районы, где были виллы богачей с частной охраной, деловой квартал и прочие районы. Каждый человек, хоть немного разбогатевший, нанимал охрану только из иностранцев – местным не доверяли, местные могли предать. Остальные жили в страхе. Когда-то Багдад был одним из самых зеленых городов на Востоке – теперь всю зелень вырубили, потому что нужны были чистые сектора обстрела, за деревьями легко мог укрыться снайпер или гранатометчик. Все это – какофония крякалок, с которыми пробирались по улицам многочисленные брони-

рованные лимузины с охраной, голые улицы, статик-гарды, постоянно оглядывающиеся по сторонам, наглые таксисты... а за крепостными стенами столицы, отгородившейся от всей остальной страны, – нищета и убожество, калеки, голод, баасизм, агрессивный шиизм, банды, негласно контролирующие города, зеленка и болота, в которых черт-те что творилось. В Израиле тоже было неспокойно, перед каждым магазином стоял вооруженный охранник – но того ощущения осажденной, медленно проигрывающей войну своему же народу крепости что в Тель-Авиве, что в Иерусалиме никак не ощущалось.

В Мосуле, где они пробыли только несколько часов, их автомобили, турецкие «Мерседесы» и «Татры Навистар[12]» подогнали прямо в аэропорт – как ни странно, дышалось легче. Не было ощущения того гибельного раскола страны, гибельного ее распада, которое буквально в воздухе витало. Это был город, столица маленькой, но пытающейся стать нормальной страны, которая живет пусть тяжело, но уверенно смотрит в будущее. Здесь было легче дышать.

Лагерь они разбили собственными руками – палатки, малозаметные проволочные заграждения, которые могут тормознуть нападающих. По ночам, чтобы не привлекать внимания, копали укрепления, землю разбрасывали в округе.

---

[12] Чешская «Татра» принадлежит американской компании «Навистар». На момент описываемых событий «Татра» была принята на ограниченное вооружение армии США как транспортная машина, более проходимая, чем «Ошкош».

Выравнивали площадку, пригодную для посадки нескольких вертолетов, проходили ее не раз, чтобы убрать с нее все лишнее, даже мелкий камешек был недопустим...

Работа была тяжелой – в отрыве от цивилизации, без Интернета и телефона, без отпусков в город, но им, поселенцам, это было довольно-таки привычно. Поселения ведь – это не халявное жилье, какое ты получаешь от правительства, это каждодневная тяжелая работа на каменистой, скудной земле, изо дня в день одно и то же под палящим солнцем – и под обстрелами, одна рука на рычагах трактора, другая на рукояти «узи». Поселенцы – особые люди, не рассчитывающие на быструю отдачу от труда. Вот и они не рассчитывали. Каждодневным трудом окультуривали тот кусок земли, на который их забросила судьба, приспосабливали его для своих целей. И что-то там даже и бурили. То, что они делали, сильно напоминало первые кибуцы, жизнь кибуцников, тяжелую жизнь – но именно из кибуцев выросло их государство.

Первыми появились бензовозы. Израильтяне действовали на первом этапе совершенно легальными методами – топливо для заправки они закупили на смонтированном в Курдистане и только давшем первую товарную продукцию нефтеперегонном заводе, перед этим проведя экспертизу, – такое же топливо поставлялось для иракских ВВС и вертолетов частных охранных и военных компаний, действующих в Ираке. Старые добрые «Сикорские», рассчитанные на тяжелую эксплуатацию в море, во время боевых действий бы-

ли довольно неприхотливы к качеству топлива – и то, что предлагал Курдистан, израильтян вполне устроило. Арендовав несколько больших бензовозов, израильтяне купили топлива с солидным запасом и на этих бензовозах тронулись по направлению к точке дозаправки.

До часа «Ч» оставалось чуть больше шести часов...

Израиль, южнее Хайфы
Аэродром
«Саарет Маткаль»

Никто не знал, для чего их собрали здесь. Но все догадывались.

История Израиля – это история непрекращающейся борьбы за существование, история борьбы в окружении многочисленных и крайне агрессивных врагов. Никогда не было такого, чтобы Израиль воевал против более слабого противника... кроме разве что постыдной кампании шестого года, позорно начавшейся, бездарно проведенной и бессмысленно закончившейся. Израиль никогда не пытался держать оборону, это было бы самоубийством, учитывая размеры и небольшой мобилизационный ресурс страны. Израиль всегда наступал. Иногда наступал безумно малыми силами, нападая на врага на его территории, притом что враг превосходил численностью атакующих на два-три порядка. Основной ударной силой Израиля был спецназ, вписавший немало славных страниц в историю специальных подразделений: рейды отряда 101 Ариэля Шарона, рейды отряда 202 против египтян, рейд на Накибе, действия НАХАЛ – уникального, единственного в мире подразделения бойцов-крестьян, чьей задачей была организация поселений на враждебной терри-

тории, рейд на международный аэропорт Бейрута, когда израильтянам удалось сжечь тринадцать самолетов в международном аэропорту столицы чужой страны. Я перечисляю только те эпизоды, которые мало известны, не касаясь, к примеру, всемирно знаменитого рейда на Энтебе. Каждый раз, когда Израиль действовал не по правилам, когда делал то, что никто и не подумал бы сделать, – он выигрывал. Каждый раз, как только Израиль действовал по правилам – он проигрывал, потому что с террористами, бандитами, в том числе бандитами на государственном уровне, нельзя играть по правилам. Нужно просто делать то, что нужно сделать, не думая ни о чем.

Самое важное, принципиально важное задание в северной волне наступления было поручено «Саарет Маткаль», спецназу Генерального штаба АОИ. Учитывая недостаточную численность спецназа для выполнения задачи, его усилили наиболее подготовленными парашютистами из «Саарет Голани».

Перед рейдом всех парашютистов спецназа перево-оружили автоматическими винтовками «Galil ACE» калибра 7,62*39, которые могли принимать магазины от «АК-47», потому что и в Ираке, и в Иране основным является именно этот калибр и всегда можно поживиться боеприпасами у убитых, если свои кончаются. Пулеметчики сменили «Негевы» на польские «ПКМ», которые были закуплены в большом количестве и проверены специалистами армии обороны

Израиля, перед тем как пускать их в дело. Польские «ПКМ» были заказаны в старом советском калибре 7,62*54, но с модернизационным комплектом – на каждом из них был складной приклад, планки стандарта НАТО для установки прицелов и третий, короткий, ствол для того, чтобы пулемет можно было использовать в боях внутри зданий. Кроме того, всем снайперам были выданы снайперские винтовки «Барретт» калибра 12,7 и 25 миллиметров, на пятидесятом калибре – глушители, к каждой из них у снайперов было по сто пятьдесят патронов марки «RUAG», швейцарского производства, пятьдесят в магазинах и сто в коробках. Самые лучшие из всех существующих, 12,7-мм поражает бронемашину типа «БМП-2» с любой проекции, 25 – поражает любой тип бронированных машин СССР и НАТО, за исключением танков и тяжелых БМП, кроме того, он является не бронебойным, а бронебойно-зажигательным, также есть и осколочные снаряды высокой точности – погасить снайпера с нескольких сотен метров, положив пару снарядов в окно, из которого ведется огонь, – на это способна была только такая винтовка.

Всех парашютистов разбили на группы по четыре человека. В каждой группе – снайпер с тяжелой винтовкой, пулеметчик, два автоматчика. У автоматчиков – винтовки «АСЕ», у одного с подствольным гранатометом, у другого – запас наствольных гранат, которые могут применяться и как кумулятивные, и как легкие термобарические. Задача десанта – высадиться после удара на основную ракетную базу

иранцев, добить все, что шевелится, но самое главное – взорвать, вывести из строя подземные укрепления базы «Имам Али». Если этого не сделать – завтра все повторится. С этой целью у каждого из израильтян было по два килограмма высокоэффективной взрывчатки – либо в виде пластита, либо в виде готовых кумулятивных зарядов.

При подготовке к операции возник один щекотливый вопрос. Израильская армия никогда не оставляет на поле боя ни убитых, ни пленных. Это краеугольный камень существования израильской армии, без него она просто не будет израильской армией. Нередко ради того, чтобы спасти тело убитого, израильтяне рисковали жизнями десятков людей – так, в восемьдесят втором году морские коммандос несколько часов вели бой с многократно превосходящими силами противника, потому что взрывом обрушило стену и придавило двоих офицеров, они были мертвы, но оставлять их так было нельзя. Но здесь, учитывая чрезвычайную опасность места проведения операции, чрезвычайную опасность самой операции – чужая страна, за тысячу километров от Израиля, особо охраняемая база, на которой находится до полка сил Аль-Кодс[13] и иранского армейского спецназа, имеется бронетехника, после объявления тревоги возможен подход дополнительных сил противника, – вполне могло получиться так, что кого-то просто невозможно будет вытащить. Учиты-

---

[13] Спецназ Корпуса стражей исламской революции, прославился террористическими действиями в Ираке.

вая, что оставаться на базе в течение нескольких часов, чтобы вытащить... к примеру, солдат, блокированных в подземелье, – верная гибель, никакого решения по этому поводу так и не было принято – никто просто не решился взять на себя такую ответственность, сказать, что в таком случае тела, а может, и не только тела израильтян надо бросить. Просто все рассчитывали на то, что командиры групп сами разберутся, как действовать в той или иной ситуации. При этом все понимали – потери при штурме базы будут, и они будут очень значительными, возможно, больше половины личного состава.

До этого дня группы коммандос тренировались на плоскогорье. Одно и то же – поражение маневрирующих целей, подавление огневых точек противника, в том числе ЗПУ, маневрирование под огнем противника, проникновение в подземные комплексы при противодействии противника. Особое значение придавалось борьбе с мотоциклистами и прочими мобильными силами, – Иран был силен именно этим, от мотоциклистов со снайперскими винтовками и гранатометами нахватались иракцы в свое время по горло.

Вечером приехал начальник Генерального штаба. «Саарет Маткаль» относится именно к Генеральному штабу Армии обороны Израиля, и вполне нормально, что сам начальник Генерального штаба приехал, чтобы напутствовать идущих в бой людей. Израильские генералы были особенными генералами – в израильской армии совершенно не было чинопочи-

тания, к генералу можно было обратиться на «ты», и вообще, израильская армия напоминала одну большую семью, в которой служат все, потому что обязаны, но и которая не бросит никого. Именно поэтому начальник Генерального штаба, сам имевший опыт командования ротой специального назначения, приехал, чтобы поговорить с бойцами.

Собрались в большом ангаре, крайнем на авиабазе. Все стояли, потому что на базе не было достаточного количества мебели, да и сидеть было как-то неприлично. Генералу наскоро сварганили трибуну из каких-то ящиков и дали мегафон, каким пользовались инструкторы.

Генерал говорил в удивительной тишине, смотря прямо в глаза молодым парням, которым и тридцати не было – и которым завтра предстояло убивать и умирать:

– Когда-то давно на этом месте, на том месте, где сейчас живем мы, тоже было еврейское государство. В нем жили такие же люди, как и мы... их звали Абрам, Яков, Сара, Менахем... простые люди, такие же, как и мы. Потом этого государства не стало, и ни у одного еврея на земле не стало ни клочка земли, которую он мог бы назвать своей.

Мы стали народом без родины – и в этом были виноваты мы. Да, да, именно мы, евреи – не стоит никого обвинять в том, что мы потеряли свою родину, свою землю. Мы не смогли ее защитить, не смогли отстоять, не смогли сплотиться. И мы потеряли ее, были вынужде-

ны отправиться в изгнание – а потом долгие две тысячи лет расплачивались за свою слабость.

Сейчас у нас есть земля. У нас есть родина. Она – наша, потому что полита нашей кровью. Она – наша, потому что полита нашим потом. Она – наша, потому что обустроена нашими руками. Никто не имеет больше прав на нашу землю, потому что свое право мы доказали, держа в руке плуг и держа в руке меч.

Завтра – один из тех дней, которые выпадают не для каждого поколения, не для каждой нации. Это – день, когда решится, чего мы стоим. Это – день, когда решится, что мы можем. Мы, уже третье, вы – четвертое поколение евреев, которое живет на этой земле. Эту землю оставили нам наши предки, рассчитывая на то, что мы сохраним ее. Они рассчитывали на то, что мы будем достаточно сильными, чтобы продолжать жить на этой земле – а здесь никому не нужны слабые. Завтра решится, достаточно ли мы сильны.

Наверное, многие из вас уже догадываются, куда вы пойдете завтра, и что вы будете делать. Это – ракетная база «Имам Али» в Персии, в высокогорье, охраняемая силами специального назначения Ирана с бронетехникой и авиацией. Высокогорная ракетная база с тоннелями, с подземными центрами управления, с многочисленной охраной, с хранилищами ракет. Там стоят ракеты, нацеленные на Израиль. Ядерные ракеты.

Генерал сделал паузу, чтобы посмотреть в глаза своим подчиненным. Каждый из них смотрел на него, каждый слушал то, что он говорил, каждому было важно услышать его. Никто не отводил взгляда, обуреваемый страхом или сомнением.

– Я скажу сразу – Иран не нападал на нас, это мы нападаем на Иран. Многие будут осуждать нас за то, что мы сделаем завтра. Многие будут называть нас убийцами и варварами. Многие будут обвинять нас в агрессии. Когда вы будете выслушивать это – помните только одно: никто из них не терял свою родину, свою страну, не становился изгнанниками и не знает, что это такое.

Да, Иран не напал на нас. Пока не напал. Да, Иран ни на кого не напал. Опять-таки – пока не напал. Но кроме войны явной, есть и тайная война. Хезболла, партия Аллаха – это Иран. Раньше была одна Хезболла – теперь есть ливанская Хезболла, иракская Хезболла, афганская Хезболла, йеменская Хезболла. Все они были созданы совсем недавно, эта зараза расползается, как чума. Люди из Аль-Кодс, из Корпуса стражей исламской революции делают все, чтобы ослабить нас. Мы знаем, что их ядерные силы – силы чисто оборонительного характера, но эти силы используются только и исключительно для того, чтобы, угрожая всему миру новой Хиросимой, и дальше вести террористическую войну, рассчитывая ослабить и уничтожить нас.

Только вырвав ядовитые зубы Ирану, можно решить проблему расползания этой заразы. Только вырвав ядерный меч из рук фанатиков, можно принудить их к миру, к жизни в нормальном, цивилизованном мире.

Мы не хотим войны. Но мы не можем не защищаться. Долгие годы, поступая так, как от нас требовали другие люди, которые ничего не теряли, мы становились все слабее и слабее. Когда Саддам Хусейн начал строить атомный реактор в Осираке, мы уничтожили его, прежде чем он был построен. Когда иранский режим начал строить свой ядерный комплекс, мы ничего не делали до тех пор, пока у них в руках не оказались ракеты с ядерными боеголовками, способные достать нашу страну и уничтожить ее одним ударом. Мы слишком долго отступали, слишком долго шли на уступки, стараясь казаться цивилизованными. Но время отступления закончилось. Оно закончится завтра.

Мне стыдно. Мне стыдно потому, что завтра вы пойдете в бой, а я не смогу сделать этого, потому что я слишком стар и слишком слаб. Мне стыдно, что завтра каждый из вас впишет в историю Израиля свои имена, а я не смогу сделать этого. Но знайте – я буду на передовом командном пункте и постараюсь сделать все возможное, чтобы вы вернулись оттуда домой. Ради Израиля. Ради нас всех.

Произнеся речь, генерал сошел с трибуны, обошел весь

строй. Пожал руку, посмотрел в глаза. Каждому.

* * *

Поздним вечером, в двадцать два ноль-ноль по местному времени, в казармах прозвучал сигнал тревоги, вырывая людей из сна. Десять минут – одеться и надеть снаряжение, у каждого оно весит по пятьдесят-шестьдесят килограммов. На бетонке базы раскручивают лопасти четыре вертолета «Ясур-2010», старые «Сикорские», модернизированные американцами до стандарта Pawe Low IV, лучшие вертолеты для специальных операций в мире. Только эти четыре вертолета, никакого сопровождения – ни один другой вертолет, ни транспортный, ни штурмовой, не способен пролететь без дозаправки столько, сколько могут пролететь эти гиганты. Прикрытия не будет, и над целью – только беспилотные летательные аппараты и истребители-бомбардировщики северной волны, которые и сами-то толком не прикрыты. Если иранцам удастся поднять в воздух вертолеты и самолеты – «Сикорских» просто растерзают на части вместе с десантом.

Дробный стук ботинок о бетон, лязг оружия, тяжелое слитное дыхание. Тусклый свет в десантных отсеках – когда взлетят, не будет и его...

Группа «Иеремия»
Эскадрилья-69

Настало и их время...

Кромешная тьма – ночи на Ближнем Востоке темные, точно так же, как день – обжигающе светел. Только прожектора освещения рвут на части ночь, выхватывают из нее стальных, припавших к бетону птиц – это одни из самых мощных ударных самолетов в мире и самые лучшие, какие только есть у Израиля. Техники, многих из которых вызвали из резерва, потому что до этого эскадрилья никогда не взлетала разом, никогда не задействовалась для нанесения ударов в полном составе, таскают на тележках бомбы, на подъемниках поднимают, крепят к бомбодержателям. Основные калибры – пятьсот и одна тысяча фунтов, есть и на двести пятьдесят фунтов, легкие, планирующие – но основной калибр все-таки пятьсот, средний. На каких-то самолетах устанавливаются противорадиолокационные ракеты «AARGM», адаптированные к самолету «F15», на каких-то – ракеты «AMRAAM», ракеты средней дальности для воздушного боя. И тех и других – по четыре штуки. Любой специалист, посмотрев на снаряженные самолеты, сказал бы, что они перегружены – это раз, и что снаряжение оптимально для нанесения удара по совершенно не прикрытой с воз-

духа стране, у которой ПВО на уровне семидесятых годов, – но никак не по Ирану.

Впрочем, выбора у израильтян нет.

Полковник Эгец в это время проводит последний инструктаж пилотов.

– Идем по маршруту три, ориентируемся по моей машине. Соблюдать радиомолчание. Дозаправка в районе Зеро, вот здесь. За нами пойдут «F16», мы возглавляем их группы, можно сказать, что расчищаем им путь. Расходимся в этой точке, южнее Вана. Задача каждой группы вам известна. Перед нашим подходом оборона иранцев будет подавлена, но может быть всякое. При необходимости – применять оружие без колебаний, что ПРР, что «воздух—воздух». Спецназ должен постараться хотя бы вывести из строя аэродромы противника, чтобы их самолеты не мешали нам. Если собьют – катапультируйтесь, оказавшись на земле, идите на запад, в Турцию, или на север, в сторону Азербайджана. На земле будут действовать группы нашего спецназа, пароль – Меч, отзыв – Голиаф. В любом случае государство Израиль сделает все, чтобы вас вытащить. Если задача выполнена, но у вас не хватает топлива до второй точки дозаправки, которая находится здесь – разрешено совершить посадку на турецкие или азербайджанские аэродромы. Это Ван, Нахичевань, Горадиз, возможно – армянский Звартноц. Если такое случится – говорите правду, ни от чего не отпирайтесь – вас вытащат. Вопросы?

– А турки нам друзья или враги?

– Турки. Турки слепые, понятно? Если турки прижмут нас – неважно, на пути к целям или от них, – сопротивления не оказывать, если только они не начнут по нам палить. Если решат принудить к посадке – следовать за ними, мы не можем воевать еще и с Турцией. Но думаю, что этого не будет, – турки ненавидят Иран...

Группа «Иисус Навин» Территория Ирана, местность близ Тебриза

– Патруль!

Группа замерла – ложиться было уже поздно, оставалось только присесть и надеяться на то, что тебя не заметят, примут за камень, за кусок каменистого склона. Убить патруль тоже нельзя – если кто-то не вернется, его будут искать и рано или поздно что-то найдут, в любом случае объявят тревогу. И если их найдут – даже если просто дать себя убить, не сопротивляясь, – тоже объявят тревогу. Вот такая вот... головоломка.

Патруль – два мотоцикла, на одном из них пассажир пулеметчик, на другом снайпер – взлетел на гребень... тут очень опасные места, машина не пройдет, а мотоциклы только так летают, атаки можно ждать с любого направления, в руках опытного мотоциклиста мотоцикл пройдет везде, где пройдет горная коза. Только двигатели, их трескучий шум, дают возможность подготовиться и как-то замаскироваться...

Мотоциклисты, каким-то странным образом развернувшись почти на пятачке, стали vis-a-vis, начали осматривать окрестности. Один в бинокль, другой – в прицел снайперской винтовки. На мотоциклистах – в такую-то жару! – чер-

ная униформа и черные чалмы, зеленые повязки на головах – фанатики, смертники. И видно, что к делу относятся не спустя рукава – если бы по-другому, просто пронеслись бы по маршруту, сказали – все чисто. А эти – нет, осматривают...

Давид, шедший в группе первым, чуть пошевелился, переложив поудобнее винтовку – чтобы в случае чего вскинуть и срезать всех четверых одной очередью, – и парализованно замер, боясь даже дышать. Снайпер мгновенно переместил винтовку, теперь она смотрела прямо на него. Может ведь и выстрелить... просто так выстрелить, чтобы в стрельбе попрактиковаться.

Секунды тащились за секундой, липкие и горячие, как ползущие по лицу капли пота. А в голове идиотская фраза – мертвые не потеют. С чего бы это...

Наконец – кому показалось, что через несколько минут, кому – через несколько лет – мотоциклы сорвались с места, полетели куда-то дальше по едва заметной тропе. Треск их двигателей растаял в горах...

– Киш мир тохес... – выдохнул кто-то с облегчением – по краю прошлись...

Собрались кругом, все движения были замедленные, как в воде, – боялись двигаться даже сейчас...

– Давид, сколько нам до аэродрома?

Разведчик-следопыт сверился с картой.

– Девять километров.

Офицер, возглавляющий группу, прикинул.

– Далеко удочку забрасывают... Дальше идти нельзя. Разбиваем лагерь.

– А аэродром?

– Пойдем ночью.

– Мины?

– Навряд ли. Иначе эти... как летать будут. Пойдем рядом с дорогой, там выйдем на позицию. Все, разбиваем лагерь.

Все разбивание лагеря: раскрыли большой кусок камуфлированной под цвет местных гор ткани – специально подбирали цвет, спрятались под него. Разжигать костер, да и просто проявлять какую-либо видимую активность было уже нельзя. Двое – в охранение, остальным остается только спать. Ночь будет бессонной.

Группа «Авраам»
Шаетет-13
Оманский залив

Одной проблемой меньше – сейчас многие судовладельцы нанимают специальную охрану для того, чтобы при прохождении Аденского залива судно не захватили пираты, которые в последнее время взяли моду базироваться не только на Сомали, но и на другом берегу, йеменском. Есть пираты и в Эритрее, там власть слабая, но есть куча островков в Красном море, принадлежащих Эритрее. В общем – скверные, опасные места, и присутствие на палубе вооруженной охраны не вызывает никакого подозрения.

Натан, старший офицер сил специального назначения ВМФ Израиля, неспешно шел мимо длинного ряда выставленных на палубе в три ряда контейнеров, внимательно поглядывая по сторонам, как это и должен делать охранник. Он был одет, как одеваются специалисты частных служб безопасности: американская разгрузка и обмундирование, очень удобные, но не армейского образца, усиленная кевларом каска наподобие хоккейного шлема, тактические ботинки. В руках – Blackwater «X-47», переделанный американцами автомат Калашникова с барабанным магазином, таких полно в Ираке у контрактников – именно такое оружие, ка-

кое и должен иметь всякий уважающий себя контрактник. На шлеме – прибор ночного в*и*дения, на плече – рация, хорошая, но гражданская. Неспешная походка, настороженный взгляд – все, как и должно быть. В конце концов, контейнеровоз класса «Суэц-Макс» с товаром – жирная добыча, пираты и впрямь могут напасть. Прошли те времена, когда пираты представляли собой просто бывших рыбаков, нищих ублюдков на дрянной лодке со старыми автоматами, теперь и ночью нападают, и на палубу могут незаметно пробраться. Нужно соблюдать осторожность.

Ормузский пролив – одно из самых напряженных мест для судоходства в мире, здесь почти всегда, днем и ночью, стоит очередь на проводку, места опасные – мели, рельеф дна постоянно меняется, – а застрянет какая-нибудь махина типа танкера – пиши пропало, встали на несколько дней, а если утечка нефти будет – еще хлеще. Впрочем, вода тут и так всех цветов радуги – дело в том, что когда танкер идет пустым, он принимает в отсеки какое-то количество воды, а перед погрузкой ее нужно куда-то сливать. Вот и сливают... аккурат в море, когда никто не видит. Или делают вид, что не видят. Бизнес есть бизнес.

Больше всего Натана заинтересовал катерок, идущий примерно в десяти кабельтовых от них параллельным курсом – видимо, возвращается в Бендер-Аббас или на один из островков у входа в залив – там повсюду иранские базы. Маленькая, но опасная тварь. Не ракетный, как русские малые

катера, – русские умудрились ставить на катера ракеты длиной в полкатера, – но все равно опасный. Зенитная установка в двадцать три миллиметра на носу, на крыше рубки – ракетная установка калибра 107 миллиметров для китайских неуправляемых ракет. Еще что-то на корме... похоже на какие-то пусковые установки, но для настоящих противокорабельных ракет слишком малы. Возможно... все же противокорабелки, переделанные противотанковые управляемые ракеты, Натан помнил, что такие у Ирана есть, применяются и с катеров, и с вертолетов. Одним попаданием не потопят... но дел наделают. Американцы свой флот готовили к отражению русской атаки, отрабатывали систему «AEGIS», совершенствовали самолеты палубной авиации – но при этом, если крейсер и даже эсминец старых времен подобная вот зенитная скорострелка только поцарапает, то новые делают из каких-то там легких высокотехнологичных материалов, почти без водонепроницаемых перегородок. По надстройкам пройтись, этим самым, высокотехнологичным, – самое милое дело будет. Американцы грохают в свой флот деньги – а тут эти малые катера... у этого, к примеру, скорость не меньше сорока узлов, наверное, даже больше, экипажи, готовые отдать жизнь за дело революции. И противокорабельные ракеты на автомобильных шасси, бьющие с берега, иранцы, надо отдать им должное, умеют находить слабые стороны врага, не бросаются в противоборство там, где они заведомо слабее, а ищут, упорно ищут асимметричные ответы. В свое время

такой вот москитный флот в заливе ох много бед наделал. А ведь толком-то и не воевали тогда.

А если на них катеров пять в атаку выйдут? Или десять? Или больше? Торпед нет, ладно – но если по надстройкам из пяти зенитных установок? И ракетами добавят?

– Седьмой, Седьмой, выйди на связь!

Натан вернулся из мира своих невеселых мыслей в реальность.

– На приеме.

– Доложи.

– На палубе – чисто. По правому борту – катер иранского ВМФ. Враждебности не проявляет. Заканчиваю обход.

– Принято...

Перед тем как продолжить обход, Натан подумал: вот, наверное, на палубах-то хреново. Это если он тут потом обливается – то там что делается?

* * *

Внизу, на грузовых палубах, которые были заполнены не контейнерами, а бойцами, было и в самом деле хреново. Проветрить было нельзя, а система поддержания климата, установленная в большой спешке, не справлялась. Было темно, жарко и душно, пахло резиной, сталью, оружейной смазкой и человеческим потом – больше сотни человеческих тел, запертых в ограниченном пространстве вот уже десять дней

без возможности нормально помыться, создают тот еще запах.

Купленный на аукционе в Гамбурге – в связи с кризисом старое, не в очень-то хорошем состоянии судно можно было купить относительно дешево – сухогруз «Белая Звезда», ходивший под либерийским флагом, перегнали на одну из британских верфей, выполнявшую заказы Министерства обороны и в связи с отсутствием этих самых заказов сидевшую на бобах, и попросили переоборудовать в соответствии с точными спецификациями заказчика. Будь это год второй или третий нового тысячелетия, может быть, британские корабелы и отказались бы выполнять подобный заказ, а заодно и сообщили бы в компетентные органы о подозрительных людях, готовящих явно корабль военного назначения, который бы с виду не выглядел таковым. Но на календаре был четырнадцатый год нового тысячелетия – странно, но ровно сто лет назад началась Первая мировая война, навсегда похоронившая мечту человечества о стабильности и нормальном, без крови, развитии, – и британцы, у которых кредиторы развели под пятками костер, решили забыть про щепетильность и взяться за странный заказ.

Первым делом странные владельцы судна попросили усилить его корпус и надстройки. Так появилось локальное бронирование, аналогичное тому, которое применяется на танкодесантных кораблях, серьезное бронирование надстроек, которое могло бы выдержать пулю «ДШК», водонепроница-

емые переборки, как на военных кораблях. Был поставлен радар военного образца, намного мощнее, чем обычно стоит на мирном гражданском судне, с возможностью контроля обстановки на триста шестьдесят градусов и даже получения информации с военных спутников, и было выполнено дублирование ряда важнейших агрегатов, аналогичное тем, которое применяют на военных судах.

Дальнейшие доработки делали уже сами израильтяне, но не в Израиле, а на Кипре, с использованием только израильских специалистов.

Первым делом установили три палубы, две грузовые и одну десантную, замаскированную под контейнеры. Сами контейнеры купили тут же, в порту, поставили их так, чтобы образовать ими стену и крышу, сварили между собой и сделали малозаметные проходы. Потом в пустоту контейнеров, которую не занимали проходы, навалили земли вперемешку со стальными обрезками – получилось то же самое, что делают американцы при строительстве долговременных укреплений в Ираке и Афганистане. Внешний ряд контейнеров, который был на уровне капитанской рубки, сделали так, как делали крепостные стены в крепостях – чтобы там можно было прятаться и вести через бойницы огонь по приближающимся к судну летательным аппаратам и катерам противника. На части контейнеров крыши откидывались, и можно было вести огонь по воздушным объектам с использованием ПЗРК «Стингер». От катеров противника должны были за-

щитить крупнокалиберные пулеметы «М3», старые спарки с американских стратегических бомбардировщиков, но чертовски надежные, и автоматические пушки калибра 20 миллиметров французского производства. От самолетов и вертолетов – винтовки «Барретт» и ракетные установки «Стингер». Как минимум двадцать человек должны были держать оборону в этом укреплении, не допуская захвата судна силами ВМФ Ирана или его уничтожения до того момента, как израильские морские коммандос вернутся на судно. После выполнения операции планировалось полным ходом идти к берегу – любому, кроме иранского, желательно – берегу Саудовской Аравии – и садиться на мель, а всем пассажирам – скрываться. В Саудовской Аравии наготове была уже группа спасателей, а саудовские ВВС и ВМФ не должны были дать иранцам разгуляться что в морском, что в воздушном пространстве страны. Саудовская Аравия любила Иран не больше, чем вредные насекомые любят ДДТ.

Оставшиеся три палубы были грузовыми. Груз – резиновые лодки с жестким днищем типа «Зодиак» и счетверенными моторами для морских коммандос, оборудование для подводного плавания, в том числе приборы для зарядки кислородных баллонов, пара катеров-дронов «Elbit» с крупнокалиберными пулеметами, которые должны были составить внешний периметр обороны судна-матки, запас минно-взрывных средств и оружия. Оружие в основном было советским, только винтовки «Barrett» – американские. Мор-

ские коммандос еще годов с пятидесятых были вооружены «АК-47» и не намеревались изменять этому простому, надежному и убойному автомату, из которого в двадцатом веке убили людей, наверное, больше, чем из любого другого оружия.

При этом часть корабля была отдана под размещение замаскированных пусковых установок ракет класса «земля—земля», в данном случае получалось «море—земля». Это были «Nimrod-3», управляемые высокоточные ракеты вертикального старта, они стартовали со специальных контейнеров и не нуждались в сложных пусковых установках – контейнеры с такими ракетами могли легко транспортироваться и интегрироваться в оборону любого объекта, стоит только к контейнерам подвести питание и подключиться к системе управления, которая могла размещаться в обычном ноутбуке.

Уже с того момента, как они отправились в это путешествие – портом отправления была Ларнака, Кипр, – Натан запретил всем показываться на палубе даже ночью, единственное исключение – для тех, кто несет внешнюю вахту, нарядившись охранниками. Внешняя вахта на этом корабле неслась как нельзя более тщательно – вахтенные менялись каждый час, и таким образом каждый морской коммандос получал возможность глотнуть свежего воздуха один час в двое суток. Это было хуже, чем в тюрьме строгого режима – там прогулка предоставляется каждый день. А идти к цели пред-

стояло еще как минимум двое суток, учитывая, сколько скопилось судов в очереди на проводку.

И надо было что-то делать с лоцманом. Лоцманская проводка здесь просто необходима, лоцмана можно запросить в Омане или в Бендер-Аббасе. Конечно, запрашивать в Бендер-Аббасе дураков нет – но и оманский лоцман может поднять тревогу, если увидит то, что видеть ему не следует.

Впрочем, до лоцманской проводки надо было еще дожить.

«Саарет Маткаль»
Территория Ирана,
аэродром близ Тебриза

– Главный, наблюдаю цели. Шесть ангаров, шесть – с моей стороны. Один открыт, пять закрыты. Между вторым и третьим ангарами стоит бронетранспортер, около него один... три, три цели. Сам бронетранспортер колесный, вооружен крупнокалиберным пулеметом. Четвертый ангар открыт, там стоит... один самолет внутри ангара, виден не полностью, второй самолет выведен из ангара, около него... ведутся работы. Профилактические работы... что-то с носовым обтекателем, он снят и там стоит переносная лестница. Два... две цели. Самолет типа двадцать девять[14], вооружение не подвешено. Самолет могу поразить с такого расстояния.

– Принято. Вопрос всем огневым группам – наблюдаете дежурные силы, дежурные самолеты или дежурные силы охраны?

– Первый, отрицательно. Не наблюдаю.

– Второй, наблюдаю бронетранспортер между ангарами. Бронетранспортер... башня и два ствола, сильно похожий на

---

[14] То есть «Миг-29».

русский, типа восемьдесят[15]...

– Второй, принято, вопрос – можешь поразить цель?

– Главный, положительно, могу попасть в двигатель.

– Третий, наблюдаю множественные цели. Бронетранспортер... похожий на русский, но тоже два ствола, и грузовик с солдатами. Солдат не меньше десяти у грузовика, еще неизвестное количество в грузовике. Как минимум один офицер. Курят....

[15] Либо украинский БТР-94, либо северокорейский. На северокорейском в башне не один КПВТ, а два. Скорее северокорейский.

Группа «Иеремия»
Самолет боевого управления
Воздушное пространство
над Турцией

Самолет – «Боинг-737», тайно модифицированный под командный пункт воздушной операции, благо современные технологии позволяют обходиться небольшим горбом там, где раньше нужна была вращающаяся тарелка на спине самолета – шел обычным пассажирским маршрутом, маскируясь под гражданский самолет, выполняющий рейс из Абу-Даби в Астану, столицу независимого Казахстана. Самолет был предоставлен израильтянам стратегическим авиационным командованием США, он был изготовлен всего в трех экземплярах и предназначался для операций, подобных этой. В давние времена с таких самолетов, летящих по обычным маршрутам, должны были координировать первый, обезоруживающий удар по Советскому Союзу. В самолете был подполковник Эгец и еще двое штабных офицеров ВВС Израиля. Миша был на земле, он координировал наземную операцию, из иракского Киркука, генерал Амос Ядлин находился на американском ударном авианосце «Рональд Рейган», дрейфующем в Красном море. Южная группа, атакующая

побережье, должна была управляться из центра, на побережье Саудовской Аравии – развернули его там полулегально, запасной базировался в Кувейте. Северная группа управлялась с самолета боевого управления, курсирующего в воздушном пространстве Турции, запасной центр – точка дозаправки и промежуточный лагерь в Курдистане, Ирак.

В самолете был маленький закуток, когда-то здесь размещались стюардессы, а теперь здесь поставили несколько баллонов с водой. Именно здесь Миша и нашел подполковника Эгеца, сидящего прямо на баллоне с водой.

– С тобой нормально? Сердце?

Полковник махнул рукой.

– Нормально. Началось?

– Нет. Режим молчания.

Они шли в режиме молчания, равно как и ударные эскадрильи. Иранцы прослушивают эфир, любой перехват может привести к активизации плана обороны, и тогда атакующие понесут серьезные потери и, возможно, вообще не выполнят задание. А это может означать ядерный удар по Израилю.

Миша махнул рукой и пошел на свое место, смотреть за операторами, пока только отслеживающими обстановку, причем без радара, получая информацию с американских военных спутников – впервые это было в полном объеме отработано в Грузии, в восьмом году.

А подполковник Иеремия Эгец беспокоился не потому, что его охватил «предстартовый мандраж», как это бывает

у некоторых командиров. И не потому, что он находился не за штурвалом истребителя-бомбардировщика, а в кабине самолета управления – это-то он еще мог пережить. Он впервые задумался о том, что будет потом. Ну, разбомбят они эти ракетные и ядерные центры. Ну, лишат Иран возможности угрожать Израилю. А дальше-то что? Так ли велико расстояние между Израилем и Ираном, чтобы лишенный ядерного жала Иран не попытался отомстить? Так ли правильно принятое решение, стоит ли загонять Иран в угол, делая целый народ фанатиком, которому нечего терять?

Или все же не стоит?

Так и не найдя ответа на мучившие его вопросы, подполковник Иеремия Эгец поднялся с баллона с водой, потер затекшую спину и отправился следом за Мишей в операторский салон. У него, как и у всех, была своя работа.

«Саарет Маткаль» Территория Ирана, аэродром близ Тебриза

Ожила рация. Ее поставили только на прием – четыре снайперские группы замерли, ожидая сигнала.

– Зеленый свет, повторяю – зеленый свет.

Сигнал ответа не требовал, он требовал действия.

Командир разведывательно-диверсионной группы, лежащий под куском маскировочной сети, посмотрел в бинокль на ближайший к нему ангар со стоящим рядом с ним самолетом.

– Зеленый свет всем группам. Обратный отсчет от пяти: пять-четыре-три-два-один...

Огонь!

Командир, не отрываясь, смотрел на самолет – он был освещен рамой с переносными прожекторами, потому что ремонтировался. Смотрел внимательно.

Человек, который что-то делал у стойки шасси, поддерживающей правое крыло, вдруг недоуменно поднял голову, уставившись на большую рваную дыру, возникшую чуть выше крыла, там, где находится самолетная турбина.

В этот же момент двадцатипятимиллиметровый снаряд, выпущенный из винтовки «Барретта», угодил в двигатель

странного, с двумя пулеметами в башенке бронетранспортера. Двигатель не был заведен – и теперь, чтобы завести его, потребовалось бы несколько часов ремонта.

Часовой на вышке, ничем не прикрытой, со старым пулеметом «MG» на турели, недоуменно повернулся, поднес бинокль к глазам, пытаясь понять, что там происходит на бетонке, что за странный звук он слышит, – и упал, сила удара пули была такова, что его просто сбросило вниз с вышки. Через секунду погиб и второй часовой – он спал, а проснувшись, поднялся, чтобы оглядеться по сторонам – и еще одна пуля нашла его.

За несколько секунд точно так же умерли и остальные часовые. Все произошло бесшумно и почти неотвратимо – на тренировках, где роль часовых играли солдаты Армии обороны Израиля (стреляли, естественно, с лазерными имитаторами), такого четкого уничтожения часовых достичь не удавалось.

Оба выстрела были бесшумными. На винтовках калибра 12,7 стояли глушители «AWC Cyclops», на двадцатипятимиллиметровых – безымянные, изготовленные техническими специалистами Армии обороны Израиля. И самолет, и бронеавтомобиль были мгновенно и почти бесшумно – на летном поле не было слышно уже ничего, вспышек тоже не было видно – выведены из строя.

У товарища Берии были достойные наследники...[16]

---

[16] Первым подобную тактику использовал Лаврентий Павлович Берия, назна-

Еще один самолет – он стоял так, что находился на линии огня одной из снайперских групп – с металлическим треском упал подбитой птицей на бетон: пуля калибра 12,7 попала так точно, что перебила стойку шасси.

Один из техников, придя в себя и поняв, что происходит, вскочил и побежал по бетонке, стреляя из пистолета.

Израильские снайперы не стреляли по нему – у них были более важные цели.

Вспышка! Двадцатипятимиллиметровый снаряд врезался в цистерну – и ночь превратилась в пылающий красно-черными языками пламени день...

Со второго этажа штаба прямо в окно выпрыгнул человек – и исчез, сгорев в текущей по бетону огненной реке.

Небо на востоке прорезали ярко-алые трассы – солдаты батальона, охраняющие аэродром, поднятые по тревоге, палили впустую, даже не видя, где противник.

Командир израильской спецгруппы взглянул на часы. Минута и сорок секунд... идут почти идеально, как не удавалось на тренировках.

– Главному – Второй, движение в секторе «Восток». Могу

ченный ответственным за оборону Кавказа. Немцы перед выдвижением на новые позиции проводили разведку, причем в разведку обязательно шли офицеры, командный состав танковых полков. С Берией были снайперы НКВД, вооруженные снайперскими винтовками с глушителями – они устраивали засады и массированным применением подобного оружия выбивали фашистских офицеров, после чего наступление тормозилось. Это первое известное автору массированное применение снайперских винтовок с глушителями в боевых операциях.

работать.

– Работай.

Пуля калибра 12,7 проделала громадную дыру в дверце машины и ударила в ноги водителю, начисто оторвав одну из них. Машина вильнула вправо... и въехала прямиком в бушующий ад. Никто, ни бородачи с автоматами, ни пулеметчик на турельном пулемете – не успели выскочить. Огонь жадно принялся за предложенную ему пищу.

– Тревожная группа выведена из строя.

– Принято.

Солдаты, вместо того чтобы защищать аэродром, занимали позиции вокруг своей казармы, палили во все стороны...

Израильтяне ждали. Они не стреляли в кого попало, им надо было тихо отстреляться и тихо, а главное – без потерь уйти.

Наконец кто-то из пилотов добрался до самолета – это произошло минуте на седьмой. Техники широко распахнули двери ангара – и тут же в носовом обтекателе самолета, скрывающем сложный, дорогостоящий и чрезвычайно важный для современного самолета прибор – радар для поиска и наведения на цели, в данном случае русский «Жук-М», появилась дыра, и пилот упал на бетонку, закрыв голову руками. Еще пара снарядов окончательно вывела самолет из строя...

Оперативная группа «Моисей» Иракский Курдистан, западнее города Мосул

– Вон они!

Вертолеты шли низко, прячась в складках местности, не включая навигационных огней, но у патруля, который занимал господствующую высоту, был тепловизор, и они увидели их – светлые тени в темно-серой мгле.

– Я доложу командиру.

Командир патруля, высланного на господствующую высоту, не уловил в словах ефрейтора Миши Солодкина никакой задней мысли.

– Добро... дуй, только быстро.

Сказано было по-русски – на высоте из шестерых пятеро были русскими.

У них на высоте был мотоцикл, старая кроссовая «Ямаха»... лежит, не мешает, так и сгонять по-быстрому куда, обеспечение мобильности вроде как. Ее и оседлал ефрейтор Солодкин, помчался вниз по склону, чудом уворачиваясь от препятствий и поддерживая себя и мотоцикл в вертикальном положении.

Проскочил – выскочил к базе, прямо на пулеметные стволы. В ночи горбатыми слонами стояли укрытые на всякий

случай маскировочными сетями машины с запасом топлива.

– Авраам! Авраам! – заорал Солодкин общий пароль, спрыгивая с мотоцикла.

Стволы опустились.

– Кто?

– Солодкин я! Солодкин!

– Ты совсем охренел, ефрейтор!? Мы тебя чуть...

– Что у тебя, ефрейтор? – подоспел и командир.

– Вертолеты! Две минуты осталось!

Командир выругался

– Мы их и так слышим! Все?

– Все!

– И из-за этого Абрам тебя послал?

– Так радиомолчание же... – пожал плечами Солодкин.

– Вот придурок...

Вертолеты уже заходили на посадку, черные туши на фоне темного, но не непроницаемо-черного, в звездах неба.

О Солодкине все забыли, бросились обеспечивать площадку – надо было разбросать маяки, чтобы пилоты видели, куда им садиться. Вертолеты имели оборудование, позволяющее летать в полной темноте, поэтому посадочная площадка обозначалась не кострами и не ХИС, а маяками, работающими в невидимой человеческому глазу части инфракрасного спектра. У тех, кто разбрасывал маячки, были приборы ночного в*и*дения, потому что нужно было точно видеть, куда и что ты бросаешь. Одна небольшая ошибка – и вертолеты

столкнутся в воздухе, или один ударит по другому лопастями при посадке – и операция накроется, так и не начавшись. Дух «Пустыни-1» довлел над всеми, все смотрели учебный фильм, посвященный этому рейду американского спецназа, и искренне хотели доказать, что они лучше.

Вертолеты садились один за другим на обозначенные для них площадки, солдат чуть не сшибало с ног потоками воздуха от двигателей.

Миша Солодкин подскочил вместе с кем-то к ближайшему топливозаправщику, помог скатать и отбросить в сторону маскировочную сеть. Никто не сказал ему ни слова, и он не сказал никому ни слова – здесь все были свои и каждым рабочим рукам были рады. Вместе с патрулем, назначенным ответственным за заправку и для этого проходившим практику на одной из баз ВВС, чтобы потом заправлять вертолет с завязанными глазами, Миша Солодкин направился к одному из вертолетов.

Пока заправляли – он сунулся к люку одного из вертолетов, командир десантной группы в этот момент находился на временном КП, разговаривал с майором, обеспечивающим точку поддержки. Десантники сидели в вертолете в полной темноте...

– Места есть? – по-русски спросил он.

Зачем он это сделал? Да просто... такой характер был. Остались еще такие люди.

В каждом вертолете был запас – несколько свободных

мест. Это на случай, если один из вертолетов потерпит аварию на маршруте, чтобы один из оставшихся мог подобрать десантников, хотя и с перегрузом. Заполняемость вертолетов рассчитывалась в том числе и с этим условием.

И десантники, сидящие в вертолете – а это были бойцы спецподразделения пограничных войск «Ямам», для этой операции собирали всех, кого только можно, брали лучших, дополнительно тренировали, – в каком другом случае послали бы его подальше. Но сейчас... если человек настолько псих, что сам садится в вертолет, летящий навстречу огню и смерти... стоит ли останавливать его...

– Садись... – кто-то ответил тоже по-русски.

* * *

Капитан Гад Регев, командовавший «красным» подразделением, заметил, что в вертолете на одного бойца больше, только когда вертолет взлетел после дозаправки и он окинул взглядом десантный отсек. Один из бойцов отличался снаряжением – у него был «АК-47», и сидел он на месте, которое должно было быть свободным.

– Какого черта...

Капитан сделал несколько шагов по дрожащему полу вертолета, незнакомый солдат вскочил навстречу.

– Какого черта ты здесь делаешь, солдат? Ты кто такой?!

– Ефрейтор Миша Солодкин! – отрапортовал солдат,

вскочив и вытянувшись.

Капитан сразу вспомнил про засаду на патруль, про упавший самолет. История эта была известна по всему ЦАХАЛу, как один солдат противостоял целой банде террористов.

– На подвиги опять потянуло, ефрейтор?!

– Оставь его, капитан... – просто сказал один из десантников. – Какая теперь разница. Всем одно предназначено.

Всем одно предназначено...

– Будете рядом со мной, ефрейтор. После боя получите взыскание, если живы останетесь. То, что вы сделали – это преступление, достаточное даже для трибунала.

Капитан подумал и добавил:

– Если мы все живы останемся...

Специальная группа «Саарет Маткаль» Объект «Имам Али» Район Тебриза

Ситуация оказалась намного серьезнее, чем предполагалось.

Они работали «под курдов», в каждой группе был проводник-курд. Курды ненавидели иранцев, после того как они их предали в семидесятые, выдав многих Саддаму Хусейну. У них было почти то же самое оружие, что и у курдской пешмерги – вперемешку автоматы «АК-47» и «М4» с глушителями, пулеметы «ПКМ», снайперские винтовки «Барретт», которые американцы поставляли в регион в большом количестве. Даже если одну из групп, заброшенных в зону проведения операции, раскроют, все равно никто не разберется в том, откуда гости, до тех пор, пока не будет поздно. Перед заброской каждый из них вначале рассматривал карты местности, потом спутниковые снимки, потом они отрабатывали взаимодействие в компьютерной программе – игре-«стрелялке» от первого лица, но куда можно загружать реальный ландшафт местности и реально имитировать силы противника. Во время последнего этапа подготовки они бродили по

курдским горам под видом то отрядов пешмерги, то бойцов частных охранных компаний, ведя поиск и уклоняясь от поисковых отрядов противника. Все это им организовали инструкторы израильского МОССАДа и сил безопасности, готовящие к нелегким жизненным перипетиям курдскую полицию и силы безопасности, они же выступали в качестве условного противника, а вся эта «игра на природе» проходила как тренировочное мероприятие не для израильтян, но для курдов. Потом они перешли границу – граница здесь была оборудована плохо, пограничники были ленивыми и прикормленными контрабандистами, опасность представляли только летучие отряды на мотоциклах, которые контролировали границу путем внезапных проверок, больше похожих на налеты воинства Чингисхана. Но израильтяне были куда лучше подготовлены, они уклонились от поисковых отрядов и пошли дальше... и шли они дальше до тех пор, пока проводник – опытнейший христианин, бежавший с израильтянами из Ливана, а до этого служивший в армии границы, – сказал, что дальше идти нельзя.

Командир группы, израильтянин по имени Игал, приказал всем лечь – и группа растворилась в ночи, сделавшись всего лишь камнями на земле. Сам командир пополз по направлению к тому месту, где должен был быть проводник.

Проводник тоже залег, держа наготове свое оружие – «узи» с глушителем, к которому он привык и наотрез отказался брать что-то более современное.

– Ты что-то видишь, Салех? – прошептал он проводнику в ухо.

Проводник в ответ поймал руку командира, начал нажимать пальцами на ладонь, используя азбуку Морзе.

– Посты. Впереди – посты.

– Не пройдем? – отстучал Игал в ответ.

– Нет. Надо обойти.

За то время, которое осталось до рассвета, они попытались обойти позиции еще в двух местах. И везде нарывались на скрытые посты, Салеху они не нравились, и они отступали назад – Игал мог приказать идти вперед, но он не стал этого делать, потому что доверял Салеху и знал, как легко можно погубить группу, не послушав проводника. Оставшееся время они использовали для того, чтобы перебраться в «гнездо» – укрытие для всей группы, невидимое с воздуха. Это было очень важно, потому что днем в воздух поднимались беспилотники и дежурили. У иранцев не было современных всесуточных беспилотников – и слава Аллаху.

Гнездо они сделали – но первые же два часа показали, что ни о какой разведке, ни о каком костре для приготовления пищи, даже бездымном, не может идти и речи. Помимо беспилотников, были еще и наземные патрули. Не пешие, а намного более опасные – на кроссовых мотоциклах. Два человека и кроссовый мотоцикл – современная кавалерия, скоростная, малоуязвимая для всего, кроме вертолета, и опасная.

И эти подонки на кроссовых мотоциклах не унимались – для них вообще не было дорог, они могли появиться в любом месте, трескучий шум их моторов мог раздаться с любой стороны – слева, справа, спереди, сзади, они могли в любой момент свалиться тебе на голову, – Игал впервые за долгие годы службы испугался.

Если бы тут были минные поля – их можно было бы пройти, у них было спецоборудование и были опытные саперы. Если бы тут была колючая проволока и высокий забор – это тоже не было бы проблемой. Но это...

Тот, кто ставил оборону этого места – знал, что делать. Ни одна диверсионная группа не пойдет по местности, по которой носятся бессистемно эти проклятые мотоциклисты, готовые в любой момент выскочить из-за ближайшего холма. Да еще и беспилотники...

– Что было ночью? – едва шевеля губами, спросил Игал у проводника. Оба они лежали под маскировочной сетью, каждые полчаса рассасывая по паре кубиков горького шоколада, лучшая пища в такой ситуации. Им придется лежать неподвижно до темноты.

– Пост. Скрытый. Винтовка и какая-то оптика наподобие ночной.

– Драгунов?

– Нет. Что-то другое. Большая.

Игал попытался вспомнить, какая винтовка может быть у иранских басиджей больше размером, чем «СВД», которая

тут же и производится. Steyr HS-50? Может быть, австрийцы продали Ирану восемьсот винтовок пятидесятого калибра и из-за этого попали в стоп-лист BATF[17]. Как будто Иран не может сделать винтовку пятидесятого калибра сам... дело, в общем-то, нехитрое. А может быть – это что-то другое.

Игал не ошибся, это и в самом деле было кое-что другое. Это была полуавтоматическая винтовка калибра 14,5*114 со сложным названием на корейском, что-то вроде «ярость трудового народа». Судьба ее тоже была сложной: первые экземпляры выпустил Азербайджан, затем эти винтовки были проданы в Пакистан и частично попали в руки талибов. Эта же винтовка попала в руки китайских военных советников, они отправили ее в Китай, и фирма «Poly engineering», производитель тяжелых снайперских винтовок и гранатометов, ее скопировала, не сильно заботясь о соблюдении авторских прав. Затем уже китайская копия винтовки попала в Северную Корею, где основным тяжелым пулеметом, устанавливаемым и на танках, и на БМП, является не «ДШК» и не «НСВ» – а «КПВТ», который как нельзя лучше подходит для того, чтобы отбиваться от американских вертолетов. Трудолюбивые и тоже не слишком заботящиеся о соблюдении авторских прав северные корейцы скопировали эту винтовку в пару к производимому ими «КПВТ», причем скопировали с довольно хорошим качеством. Оптический прицел на

---

[17] Бюро по алкоголю, табаку и оружию США, причем это не просто лицензирующий орган, они ведут и оперативную деятельность.

винтовке тоже был северокорейский, в массивном стальном корпусе – а вот ночной прицел, стоящий перед оптическим, был китайский, потому что Северная Корея не владела технологиями производства ночной оптики. Именно из Северной Кореи это оружие попало в Иран, и о нем стоило побеспокоиться. Такая винтовка весила больше двадцати килограммов – но ею можно было запросто сбить вертолет и можно было выиграть дуэль со снайпером, вооруженным «Барреттом-107». Это была не столько винтовка, сколько мелкокалиберная полуавтоматическая пушка высокой точности на пулеметном станке.

– Там точно была ночная оптика? – уточнил Игал.

– Точно. Или похуже.

Похуже – это термооптика. Ее тут точно не может быть. Или может?!

– Сколько там человек?

– Шесть. Хорошо замаскировались. Кроме этой винтовки там еще и «диско»[18] на станке.

Шесть человек, «диско», какая-то тяжелая винтовка с ночной оптикой. Скорее всего еще автоматы и как минимум одна «СВД». Для того чтобы гарантированно пройти, придется свести всех снайперов с «М107» в одну ударную группу, чтобы подавить укрепленную точку противника одним

---

[18] «Диско» – советский пулемет ДШК, до сих пор производимый, например, в Румынии и в самом Иране тоже. Израильтянин пользуется терминологией НАТО – именно так там обозначается этот пулемет.

залпом. Да... почему-то на снимках такого не было, они этого не увидели. Нет, они видели стационарные посты – но винтовок с ночной оптикой там не предполагалось.

– Еще что-то?

– Да. Мне показалось, что там есть и скрытый пост.

– Показалось?

– Да... Я не рассмотрел. Скрытый пост, контролирующий первый.

Час от часу не легче. Получается, первый пост, хорошо вооруженный и оснащенный – не более чем приманка, где-то рядом есть еще один, скрытый – и там всего один человек. Задача этого человека – не высовываться и, как только что-то произойдет с первым постом, просто поднять тревогу.

– На снимках этого не было.

– Знаю. Но там что-то есть...

Ракетная база
Объект «Имам Али»
Район Тебриза

Саргорд Арад Бешехти, вымотавшийся после двухдневных учений, связанных с отражением возможного десанта противника, и теперь прикорнувший на раскладной кушетке прямо в казарме дежурной смены охраны, проснулся, подскочил так, как будто в плечо ему воткнули нож...

Это был не нож. В плечо ему выстрелил снайпер... американцы тайно окружили дом в Басре, где они прятались, – и «safe house», безопасный дом, моментально превратился в гибельную ловушку. На следующий день, когда накал поисковой операции спал, они вышли к машине, сели в нее, поехали – и тут снайперы американцев дали залп. Его спасло то, что один из снайперов промедлил или промахнулся – в результате пуля, «Лейк Сити Матч», сто шестьдесят восемь гран, которой убиты сотни и тысячи воинов Аллаха, попала не в сердце, а много правее, чудом не задев ни позвоночник, ни легкое. Тогда саргорд Арад Бешехти выкрутился. Но с тех пор резкая боль в ране, которая так до конца и не залечилась, давала ему понять, что что-то не так...

Что-то не так...

Он не знал, что именно не так, но был достаточно опы-

тен, чтобы не отмахиваться от своих предчувствий. Предчувствие – это продолжение опыта.

Что-то не так...

Он поднял с пола свой автомат, повесил его на плечо. Осмотрелся... в караулке ничего не изменилось, все было по-прежнему. Автоматы в открытой пирамиде, за стеной – голоса, чтобы не заснуть, солдаты из бодрствующей смены предпочитают разнообразить свой досуг картами или еще чем-то. В этом нет ничего неправильного, они не часовые, это что-то вроде мобильного резерва, им можно...

Саргорд вышел к солдатам, командующий ими лейтенант вскочил:

– Господин саргорд...

– Не надо доклада. Дайте мне четырех солдат и оружие. Хочу сделать внезапный обход караульных постов.

– Так точно! Есть!

Через минуту перед саргордом стояли четверо солдат – огневая группа, саргорд ввел здесь такие же порядки, как в американской морской пехоте, с боевой работой которой он имел возможность познакомиться весьма близко. Четыре бойца – огневая группа, минимальная тактическая единица. На четверых – один пулемет и один гранатомет. У морских пехотинцев США не было выделенных стрелков с гранатометчиками, они носили одноразовые пехотные гранаты «АТ-4» и применяли их по необходимости. Но саргорд гранатометчика оставил – он видел, что делает гранатомет

«РПГ-7» с различными видами боевой техники, со времен ирано-иракской войны в иранском пехотном отделении было не один, а два гранатометчика. Гранатомет поможет и против пехоты, и против боевой техники – тем более что теперь каждый стрелок по настоянию саргорда помимо своего штатного снаряжения носил одну две гранаты к гранатомету, так, как это делалось в Ираке.

– Как тебя зовут? – спросил саргорд высокого солдата, единственного из всех аккуратно побритого и с маленькими аккуратными усиками.

– Али, господин саргорд! – отрапортовал солдат.

– Ты старший?

– Так точно.

– Тогда боевая задача. Я поеду один, на квадроцикле. Проверю посты. Вы едете передо мной на машине, там, где она сможет пройти. Сеанс связи каждые десять минут, если абонент не отвечает – тревога. Все поняли?

– Так точно.

– Тогда все. Аллах с нами.

Специальная группа «Саарет Маткаль» Объект «Имам Али» Район Тебриза

– Наблюдаю цель. Правее четыреста от точки зеро, одиночная, – доложил один из двух снайперов, которых Игал отрядил в свободный поиск. – Убрать?[19]

– Красный свет, – мгновенно отреагировал Игал, – жди.

– Принял.

Может быть – и это подсадной? Может быть – и за этим следят? А может быть – у него на руке есть датчик пульса, простейшая вещь, можно в любом спортивном магазине купить, и как только пульс оборвется – прозвучит сигнал тревоги в казармах?

Игал, столкнувшись с гораздо более серьезной системой обеспечения безопасности объекта, чем это виделось на спутниковых снимках, теперь уже не верил ничему. Даже сам себе. И готов был дуть на воду.

А если они каким-то образом перехватили переговоры?

---

[19] Надо сказать, что автор тут несколько приукрашивает деятельность израильских снайперов. На самом деле в Израиле довольно слабая снайперская школа и снайперская подготовка. Не сравнить ни с американской, ни с советской. Хотя в последнее время подвижки есть.

Или просто отметили всплеск радиообмена?

Игал посмотрел на часы – сигнал «два» уже передан, чуть больше часа до удара, и они все еще топчутся перед линией внешних постов. Не говоря уж о том, чтобы продвинуться дальше и занять позиции.

Нет, так нельзя.

– Одиннадцатый, огонь по готовности. Группа «Стрела» – выстрел плюс два. Начали, – приказал Игал.

* * *

Израильский снайпер, вооруженный винтовкой «Барретт M82» с глушителем и ночным прицелом[20] последнего поколения, лежал на земле – он не чувствовал ни холода, ни насекомых, потому что его костюм позволял и в снегу ночевать – и рассматривал лежащего на склоне, примерно в пятистах метрах от него, иранца.

Пятьсот метров – довольно далеко для ночной оптики, да-

---

[20] Не самый лучший выбор для такой работы, полагаю, тут нужно пояснить, для чего израильтяне вооружили всех своих снайперов именно такими, тяжелыми винтовками. При проведении операции группы должны были столкнуться со множеством так называемых hard target – грузовики, легкие бронеавтомобили, внедорожники, пусковые установки, вертолеты и самолеты иранских ВВС, огневые точки с зенитными установками и крупнокалиберными пулеметами. Обычной «M21» или снайперской «Galil» для того, чтобы подавить такие цели, явно недостаточно, поэтому группы и насытили снайперами с тяжелыми винтовками, чтобы даже если воздушное наступление захлебнется, они все равно смогли бы что-то сделать.

же столь совершенной, как у него, но все же он видел наблюдателя. Ожидая приказа, он успел рассмотреть его, наблюдателя, лежащего в ложбинке на голой земле и неотрывно смотрящего в бинокль на основной пост. Прежде всего – это был пацан. Не маленький, наверное, лет четырнадцати – но все равно, по меркам цивилизованного государства и «правильной» войны это пацан. Даже непонятно, было ли у него оружие, может быть, все его оружие – это рация и ракетница, чтобы поднять тревогу. Было видно, что пацан очень легко одет, а ночью в этих местах температура падает по сравнению с дневной очень существенно, самого снайпера защищал комбинезон, а этого пацана ничто не защищало. Он вообще не должен был здесь находиться, этот пацан, потому что это не его дело, это дело взрослых мужчин, которые – и с той и с другой стороны – защищают свою страну. А этот пацан должен ходить в школу, может быть, в военное училище, если он хочет защищать страну, – но вместо этого пацан был здесь и собирался, по-видимому, лежать так всю ночь.

И это беспокоило снайпера.

Юный басидж – в басиджах есть и женские, и подростковые формирования. Снайпер был израильтянином, он хорошо знал, что происходит в Иране, нужно было просто взять и почитать. Жестокое, угрожающее всему миру теократическое государство, где у власти стоят подавляющие свободы религиозные фанатики. Эти фанатики не просто приказывают хватать на улице молодых людей и бить их палками толь-

ко за то, что они целуют незамужних женщин[21]. Эти фанатики подгребли под себя все земельные угодья, весь бизнес, они не дают людям зарабатывать на жизнь коммерцией, произвольно отбирают собственность, получают из госбюджета огромные деньги просто за то, что произносят проповеди и читают Коран. Можно сказать, что эти фанатики угнетают и обворовывают иранский народ, а всех, кто против этого, они гноят в тюрьмах или убивают. Это не то государство, это не тот строй, который стоит защищать.

Но тогда почему же этот пацан его защищает?

Что заставляет лежать его на голой земле? Снайпер был уверен, что ни за сегодняшнюю ночь, ни за любую другую, проведенную в таком скрытом дозоре, ему не заплатят денег, разве что покормят. Так ради чего же он здесь лежит?

Снайперу внезапно стало неуютно. Он подумал, что там, наверху, в штабе чего-то не рассчитали, и сейчас им лучше не делать того, что они собираются сделать. Потому что если они это сделают – ничего не закончится.

Все только начнется.

– Лев! Лев, ты слышишь меня? Одиннадцатый!

Снайпер вдруг понял, что вызывают именно его.

---

[21] Это правда. Если ты будешь целоваться с девушкой на улице Тегерана, к тебе могут подойти басиджи, попросить документы, спросить, кто вы такие и какие у вас отношения. Могут и выпороть, если вы не в браке. Президент Ахмадинеджад, кстати, в 2010 году выступил по национальному телевидению и сказал, что так делать нельзя, что это не дело басиджей, выяснять, у кого какие отношения. Так что в Иране все очень неоднозначно.

– На приеме.

– Черт бы тебя побрал! Ты получил приказ, подтверди.

Приказ...

– Так точно. Отработать цель по готовности.

– Ты готов?

– Готов, начинаю работать.

Снайпер чуть подвигался – тело затекло от лежания в напряженной позе, приложился к большой, массивной винтовке, которую он с радостью поменял бы на «М21» с глушителем, не в пример более легкую. Цель было видно плохо – пацан занял позицию в какой-то промоине, была видна только голова, рука и часть бока.

Черт...

Снайпер чуть сдвинул перекрестье прицела – и выстрелил. Винтовка солидно и в то же время растянуто, плавно толкнула в плечо, и он увидел, как пацана отбросило пулей в промоину, а перед этим брызнула осколками голова и в сторону полетела часть руки, держащей что-то вроде бинокля. Снайпер предпочел бы этого не видеть и знал, что на Страшном суде с него спросят и за это.

– Цель поражена, – доложил он.

* * *

– Движение, – резко сказал один из снайперов, назначенных в группу подавления укрепленной позиции противни-

ка, – на двенадцать часов! Они что-то увидели!

– Цель поражена! – выдал эфир.

Похоже, что ночная, почти безветренная тишина сыграла с ними злую шутку. «Барретт», пусть и с глушителем, стреляет не так уж и бесшумно, слышен и сам приглушенный выстрел, и звук работающего механизма винтовки. Один из караульных что-то услышал, вероятно, какой-то звук, похожий на удар железа об железо. Он резко повернулся – и уставился как раз в ту сторону, где должен был находиться снайпер – Одиннадцатый по имени Лев. Причем в руке у него что-то было, бинокль, и скорее всего не обычный, а ночной. Ситуация выходила из-под контроля.

– Всем – огонь! – приказал снайпер.

Пять снайперских винтовок хлопнули в унисон, и следом за ними, отставанием на долю секунды – еще одна.

На позиции иранцев, которую ради маскировки не прикрыли бетонными плитами, все изменилось в одно мгновение. Того, кто поднес к глазам бинокль, едва не разорвала пуля, ударившая в середину груди, он начал валиться назад с того, на чем он сидел – и в этот же момент вторая пуля оторвала незадачливому наблюдателю голову, случайное попадание, но чертовски эффективное. Откинулся назад стрелок, который сидел за тяжелой снайперской винтовкой на сиденье, предназначенном для пулеметчика, и его отбросило назад, так что он исчез из поля зрения, стрелка на «диско», который похоже что дремал, навалившись на пулемет.

– Минус два.

– Минус три, – доложил один из снайперов, который увидел больше остальных.

Еще трое.

Один из иранцев вскочил – это было видно в ночном прицеле, резкое движение – и сразу был убит как минимум двумя пулями, прилетевшими из темноты.

Пули такого калибра клали раз и навсегда, не стоило даже задаваться вопросом – надежно ли поражена цель.

Еще один иранец вскочил и кинулся к пулемету. Ему надо было просто начать стрелять из пистолета, ночной воздух далеко разносит звуки – и поднялась бы тревога. Но он кинулся к пулемету – и не добежал...

– Минус пять.

– Наблюдаю шестого, – вдруг доложил снайпер, который «пас поляну» слева, – он пытается скрыться.

Последний из оставшихся в живых, видимо, понял, что происходит, и сейчас, каким-то образом выбравшийся из простреливаемого укрепления, быстро улепетывал на четырех костях, полуползком, полубегом на четвереньках.

– Цель уничтожить.

– Цель принял, веду, – доложил один из снайперов, – есть попадание. Он готов.

От удара пули калибра 50 басиджа перевернуло и грохнуло оземь. После такого – не живут.

Все? Или нет?

– Все цели поражены, – принял решение Игал, – мы выдвигаемся. Снайперам держать линию, докладывать по ситуации...

* * *

Дот был необычным, совсем не похожим на классические доты. Классический дот оставляет для стрельбы лишь узкие бойницы, а здесь был открыт весь лоб дота, больше это было похоже не на дот, а на пулеметную позицию афганских моджахедов, которые они делали во время войны с Советской армией. Позиция довольно открытая, можно стрелять во все стороны – но там же есть лаз в глубокую, хорошо укрепленную пещеру, в которой есть припасы и в которой можно отсидеться во время авианалета.

Игал и еще трое израильских коммандос, у одного из которых был пулемет «ПКМ», осторожно подобрались по узкому проходу, оставленному для них сапером, к самой позиции иранцев, начали обходить ее, потому что просто так забраться туда было невозможно, иранцы знали что делали, когда строили ее. Там могли оставаться еще боевики, в том числе смертники, они могли выбросить наружу гранату – в общем, следовало соблюдать осторожность. Сапер проверил подход, показал – чисто, после чего спецназовцы осторожно подобрались к самому бункеру. Два мощных фонаря со светофильтрами, отсекающими свет в видимом спектре, шари-

ли по самому бункеру, по выставленному на позиции тяжелому вооружению, по трупам...

Один из спецназовцев показал на пальцах – готовы, чисто...

В бункер они спрыгнули одновременно двое, сверху, держа оружие наготове. Но оружие было не нужно.

На точке не было ничего и никого, кроме трупов.

Один из коммандос достал инфракрасный фонарик, отсигналил в темноту азбукой Морзе – все чисто. Второй сунулся в крысиный лаз, предварительно бросив туда гранату. Крысиный лаз почему-то был открыт, хотя у него был люк, и люк крепкий, задраивающийся изнутри...

Сверху спрыгнул еще один спецназовец:

– Сюда кто-то едет! С севера!

Ракетная база Объект «Имам Али» Саргорд Бешехти

Саргорд Бешехти предусмотрительно отпустил моторизованный отряд вперед, и отпустил на расстояние намного большее, чем обычно. Только поэтому он остался жив.

За то время, пока он командовал этим объектом – диверсант, занимающийся противодиверсионной обороной объекта, – он выучил местное плоскогорье, местные холмы и все их тропы так, что мог найти дорогу в любую точку охраняемого комплекса с закрытыми глазами. По его настоянию из системы обороны вывели лишние мины, потому что мины не только прикрывают объект – они сковывают и обороняющихся, лишают их инициативы и возможности маневрировать. Мины были сняты – и теперь можно было выбирать маршруты движения. Так он и сделал – он не просто ехал прямо за вторым патрулем, он следовал параллельной дорогой, не подставляясь под возможный удар.

Да, по сути, он бросил патруль на смерть только для того, чтобы проверить свои подозрения, – но разве мы живем не для того, чтобы в конце концов предстать перед Аллахом? И разве тот, кто погибнет на пути джихада против неверных, не есть шахид? А они здесь ведут именно джихад, вся стра-

на ведет джихад против наступающей со всех сторон заразы, кто бы что ни говорил.

Выключив фару, он катил по холмам, привычно помогая легкому кроссовику ногами там, где удержаться в вертикальном положении было сложно. Он старался не выкручивать мотор до ограничителя оборотов, чтобы его звук не был слишком слышен.

Что-то не так...

Ныло плечо, ныл бок. Почему-то было холодно. Ночью в этих местах даже летом кажется, что холодно, большой перепад температуры, – но раньше он переносил это совершенно спокойно, не раз и не два ему приходилось целыми днями скрываться в иракских пустынях и болотах. Но тогда не было так холодно...

Гора. Даже не гора, а холм, большой и круглый, с него хорошо видно.

Лишь в последний момент, перед тем как взлететь на вершину, саргорд понял – он не слышит больше звука двигателя багги. Не слышит!

Упал на землю вместе с мотоциклом, больно ударился больным боком, чуть не взвыл. Извиваясь как ящерица, выполз, высвободил ногу, пополз вперед. Десять метров до вершины. Пять...

Метр...

Внедорожник стоял в нескольких сотнях метров от него, стоял мертво и безжизненно, без движения, и два человека –

он отчетливо видел этих двоих, потому что глаз опытного человека может прекрасно видеть в темноте, – приближались к машине, держа на изготовку странное, но явно не иранское оружие.

Американцы!

Американцы пришли в Иран. Американцы пришли на их землю!

Враги!

Саргорд сдал назад, извиваясь, начал отползать – и тут буквально перед лицом вздыбилась земля, хлестанула по лицу мелкими камешками.

Снайперы! Американские снайперы, как тогда! Американские снайперы, умеющие убивать в тишине!

Саргорд перевернулся, вскочил на четвереньки и бросился назад, к мотоциклу.

Рация! Надо предупредить! Американцы здесь!

Рация была на мотоцикле, довольно большая и мощная, способная добить до казарм, до укреплений, до подземного комплекса, предупредить всех. Саргорд схватил трубку, переключил тангету на передачу.

– Я Зульфикар-один, я Зульфикар-один! «Гнев Аллаха», повторяю – «гнев Аллаха!» «Гнев Аллаха», действовать по первому варианту, действовать по первому варианту!

Ничего. Невидимая буря помех, зародившаяся в нескольких километрах от границы, ложилась на иранскую землю, укутывая ее плотным одеялом безмолвия.

Саргорд подхватил мотоцикл, скорчился от резкой боли – все-таки он уже не так силен, как раньше, не так, американцы что-то навсегда отняли у него. Дернул за стартер. Еще раз. Только бы успеть, только бы мотоцикл донес его до объекта, только бы он успел предупредить всех. Только бы успеть...

Мотоцикл взревел, трескуче, шумно – и саргорд, оседлав его, рванулся вниз по склону, петляя как безумец, как заяц, спасающийся от охотника, и в голове его была только одна мысль, только об одном он молил Аллаха.

Успеть!

* * *

Израильский пулеметчик взбежал по склону – он оказался там раньше снайперов. Грохнулся на землю, пытаясь установить пулемет на какую-то твердую поверхность, на сошки. Не получилось. Тогда он встал на колено, перехватил сошки рукой, прижал локтем к боку приклад, дал одну очередь, другую. Но было уже поздно.

Кто-то плюхнулся на колено рядом.

– Доклад, ефрейтор!

– Он ушел. Слишком поздно. Слишком поздно!

Аэродром
Остров Харк
Южная группа

Порт и аэродром на острове Харк были одними из ключевых точек в системе обороны, выстроенной иранцами для Персидского залива, здесь были сосредоточены силы, которые прикрывали Бушир с моря. Раньше, во времена шахиншаха, это было довольно процветающее торговое место, сейчас, в связи с санкциями, оно захирело и больше использовалось контрабандистами. И военными. Хотя и порт, и аэродром были построены властью шахиншаха – иранские аятоллы без стеснения заявляли, что только благодаря им Иран сделал громадный шаг вперед, превратившись из страны для избранных в страну для всех. Остров Харк был известен и как отправная точка для танкеров, вывозящих нефть и нефтепродукты из Ирана, там был построен крупный нефтеперегонный завод и нефтепровод, идущий с материка.

Поскольку нормально прикрыть остров от боевых пловцов было невозможно – нужно было оставить проходы для танкеров, тут и так мелководье, – прибрежные воды постоянно патрулировались легкими катерами, с них иногда сбрасывали в воду гранаты. Приходилось идти на риск...

Две большие лодки «RHIB», на каждой из которых было

по два крупнокалиберных пулемета «М2» с глушителями[22], средним ходом держали курс на остров Харк, в каждой из лодок было по двенадцать человек. По разведывательным данным, гарнизон на острове насчитывал около восьмисот человек, это если считать персонал аэродрома, персонал базы легких катеров и силы безопасности, занимающиеся обороной ключевого порта и нефтяного терминала. В эти восемьсот человек не включалась полиция и силы сопротивления басидж, если брать и их, то цифру нужно было сразу увеличивать втрое. Таким образом, против восьмисот человек шли двадцать четыре человека из ударной группы десанта и восемь человек подводной секции. Тридцать два против восьмисот – нормальное соотношение сил для отряда специального назначения.

Несмотря на прогноз погоды, в эту ночь Персидский залив был неспокоен. Мелкая, но жесткая волна шла к берегу, била в резиновые борта, постоянно стараясь сбить катера с курса, заставить их промахнуться мимо острова. Обычно в таких случаях первыми на остров высаживаются передовые группы, устанавливают приводной маяк. В данном случае высадка на остров авангарда была признана опасной, шли по данным GPS и по компасу. Постоянно смотрели по сторонам – для легких судов такое волнение не сахар, иранцы в эту ночь вообще могли не выходить в море, но могли и выйти. На лег-

---

[22] Хотите – верьте, хотите – нет, но глушители на пулемет Браунинга существуют. И иногда они действительно нужны.

ких иранских катерах носовым стоит «ДШК», на средних – «ЗУ-23-2». Одной точной очереди хватит, чтобы растерзать лодку и всех, кто в ней.

В темноте, там, где небо смыкается с землей, полоснул прожекторный луч. Все-таки идут...

Лодки остановились. Открывать огонь сейчас израильтяне не собирались, можно было пройти и тихо. В Персидский залив из болот у Аль-Фао течением Евфрата выносит небольшие островки, состоящие из гниющих и живых водорослей. Накрытую маскировочной сетью, низко сидящую лодку можно принять как раз за такой островок.

Если нет – вспыхнет прожектор, совмещенный с пулеметным стволом, и рой полудюймовых пуль окатит иранский катер.

Иранский катер прошел стороной, его швыряло на волне почище, чем резиновую лодку с низкой осадкой, на носовой зенитной установке никто не стоял, луч прожектора был направлен в одну сторону и никем не управлялся, капитан был больше озабочен тем, чтобы не поставить лодку боком к волне. И здесь предпринимаемые Ираном меры безопасности оказались преувеличенными.

Пусть идут с Богом. Или с Аллахом...

* * *

Остров... Далеко выдающиеся в море причалы, часть из

них свободна, часть – занята стоящими у них танкерами. Длинные жирные змеи трубопроводов уходят в море – там, в море, существуют стоянки для самых крупных, для супертанкеров, их осадка такова, что они подходят к берегу только дважды в жизни: во время постройки и когда настает время разделывать их на металлолом. Зловещие факелы попутного газа над нефтеперерабатывающим заводом, темнота на берегу – ночью в Иране не работают никакие увеселительные заведения, никакой ночной жизни нет. Вилайет аль-факих...[23]

– На час. Вышка...

Эта вышка хорошо видна на спутниковых снимках. Она с прожектором и с пулеметом, там постоянно двое солдат. Прикрывает акваторию порта, хотя единственная задача этих солдат – подать сигнал тревоги, а потом стать шахидами, вышка эта открыта для огня и ничем не защищена.

Одна из лодок выходит вперед. Самое сложное – это прожектор, ночью он засвечивает и обычный ночной, и термооптический прицел. Стрелять нужно, используя обычный прицел, в направлении света, причем стрелять ювелирно. Если, скажем, от пуль расколется и погаснет прожектор – это само по себе станет сигналом тревоги.

А если учесть, что стрелять надо с воды, когда лодку качает на волне, – задача и вовсе почти невыполнима.

---

[23] Одно из базовых понятий иранской государственности. Обозначает, что за гражданской властью (и за гражданским обществом) должны присматривать сведущие мусульманские богословы, чтобы не допустить отклонений от норм Корана и прорастания безверия.

– Носовое товсь!

– Есть готовность на носовом.

Носовое – всего лишь пулемет, калибра 12,7. Командир этой лодки начинал на ракетном фрегате, там носовое было куда солиднее – сорок миллиметров. Но здесь, в этой игре, пулемет полудюймового калибра с глушителем, лазерным прицелом и фонарем – козырь, почти что джокер.

Но стрелять будет не пулеметчик. Рядом с пулеметчиком занимает позицию снайпер, у него на плече – «Барретт M82A2», произведенный недавно для «неназываемого покупателя». Почти универсальная винтовка против легкой бронетехники, автомобилей, вертолетов, пулеметных вышек и гнезд – против всего. Ствол у этой модели винтовки короче, чем у той, которая предлагалась для вооружения британской армии, но на конце ствола приваренный глушитель.

Снайпер занимает позицию, оперев ствол винтовки о пулеметный щит. Остальные наваливаются на борта, чтобы хоть немного успокоить качку.

Выстрел, следом еще один и еще. Гильзы летят в воду, звук выстрела похож на хлопок пастушьего кнута, только более глухой и растянутый. Все остается точно так же, вот только луч прожектора замирает на темной, неспокойной поверхности воды и больше не двигается.

– Готово. Есть поражение цели.

* * *

Несколько человек в черном, похожем на полицейское снаряжение осторожно выбираются на причал. Причал плохо освещен, с высокого борта танкера сброшен трап, около него – одинокая фигура революционного гвардейца. Такие гвардейцы стоят около каждого из стоящих в порту судов, следят, чтобы с иностранных танкеров ночью не вышли в иранский город на промысел шпионы. Дикость безумная, но это так.

Красные точки лазерных прицелов замирают на спине и затылке иранца, хлопок – и революционный гвардеец падает вперед как подрубленный.

Черт, надо было просто арендовать или купить какой-нибудь танкер и просто прийти сюда. Напрасно опасались, что будет обыск судна, тут все либо сонные, либо полусонные.

Высадившиеся на берег израильтяне делятся на две группы, а те, в свою очередь, – еще раз на две. Впереди каждой идут трое, одетые в форму иранской армии, в каждой тройке у одного из боевиков пулемет Калашникова, глушители – только на скрытно носимых пистолетах. Это даст в случае неожиданного выхода на патруль или какого-либо офицера с бессонницей хотя какую-то возможность для маневра. Следом, стараясь не светиться, идет уже основной состав груп-

пы.

Плохо освещенные причалы, спасительная темнота. Дальше идет сам порт – выход из него преграждает караулка, шлагбаум, около шлагбаума только один солдат, еще сколько-то в караулке. Портовая зона огорожена забором из сетки-рабицы, высоким – по-видимому, местные власти озабочены больше не возможностью диверсии, а тем, чтобы не дать своим подданным проникнуть нелегально в порт и бежать из «исламского рая» в свободный мир. Солдат, можно сказать, спит на ходу...

Хлопок выстрела из темноты, придушенный глушителем, солдат падает. Черные тени появляются из темноты, кто-то бежит в караулку, кто-то оттаскивает убитого солдата в темноту. Автомат Калашникова местного производства лежит на бетоне, его поднимают и отстегивают магазин. Магазин летит в одну сторону, автомат в другую.

Склады. Ящики... пахнет почему-то гнильем. Грязь под ногами. Но для спецназовцев «Шаетет-13» важно не это – по левую руку прямо к порту примыкают казармы революционных гвардейцев, там есть небольшой мехпарк с какой-то бронетехникой. Ее можно, конечно, и взорвать, как планировалось взорвать легкие катера, стоящие у причала, заряды уже заложены.

Сетка-рабица, вездесущая здесь, проход на территорию мехпарка преграждает именно она, судя по натоптанной тропинке, ведется и обход, но сейчас никого не видно и даже

освещения нет. Один из морских коммандос достает баллончик, начинает вырезать в заборе дыру. Легкое шипение – и проволока перерезается нить за нитью.

Взлетевшая за их спинами ракета и глухое бухтение «ДШК» говорят им о том, что вечер на сегодня перестает быть томным....

Объект «Имам Али»
Район Тебриза

– Иеремия, Иеремия, на связь! Иеремия, я Гад, прошу выйти на связь! У нас проблема, повторяю – у нас проблема. Концерт начался раньше, прием!

– Гад, я Иеремия, докладывай.

– Иеремия, концерт начался раньше, как понял, прием.

– Гад, понял тебя, понял. Птицы на подходе, повторяю – птицы на подходе, двадцать минут!

– Иеремия, какого черта, у меня нет и двадцати секунд! Они могут... черт!

Связь на какое-то время оборвалась – и на посту боевого управления сложилось такое впечатление, что группу «Гад» накрыли.

– Гад, ты цел? Гад, ты цел, ответь Иеремии!

– Иеремия, они бьют из ракетных установок, пытаются отрезать нас. Сейчас взлетит ракета, повторяю – сейчас взлетит ракета!

Центр боевого управления
Воздушное пространство Ирака

– У меня нет ни одной группы в пределах пятнадцати минут полета. Черт, мы не прошли контрольные точки.

– К черту контрольные точки! Есть только один вариант – вариант «Вспышка». Никто не успеет.

Вариант «Вспышка»... Flash, его так и называли на английском. Где-то в Израиле ждут своего часа баллистические шахтные ракеты «Иерихон-3» с ядерными боевыми частями в несколько десятков килотонн каждая. Если операция выйдет из-под контроля – не останется ничего, кроме как нанести превентивный ядерный удар по Ирану. Последствия этого – Израиль наносит по кому-то ядерный удар – трудно себе представить.

Не говоря уже о том, что шансов у группы «Гад» в этом случае нет никаких, она погибнет вместе с иранцами.

– Не пори горячку.

– А я и не порю, надо решать.

Полковник Иеремия Эгец взялся за микрофон.

– Иеремия – всем Львам, Иеремия – всем Львам! Перенацеливаю группу «Лев» – один на объект один-три, повторяю – перенацеливаю группу «Лев» один на объект один-три. Высший приоритет, повторяю – высший приоритет. Вклю-

чить форсаж, но быть там через десять минут!

– Это не поможет, – мрачно сказал Миша.

– Нужно перенацелить туда ударные беспилотники. Хрен с ним, пусть ПВО не будет подавлена, но объект надо уничтожить любой ценой.

– Это еще пять минут.

– Так делаем! Время идет!

Объект «Имам Али»
Район Тебриза

Обездвиженный внедорожник – что-то похожее на американский «Ченоут», машину быстрого внедрения – но тут все посолиднее. Четыре места, машина довольно широкая, чтобы не переворачиваться при движении по холмам. Каркас безопасности, опоясывающий всю машину, и пулемет. Крупнокалиберный пулемет на кронштейне, Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный, самый распространенный пулемет в третьем мире...

Один из израильтян поворачивает тумблер – и машина взревывает двигателем. Хвала Господу, движок цел, ни один из снайперов не попытался остановить машину выстрелом по движку.

– Пулеметчикам – ко мне!

Сам Игал садится за крупнокалиберный пулемет. Он должен командовать группой – но он понимает, что те, кто сядет в эту машину, отправляются на верную смерть, и сам хочет быть с ними. За крупнокалиберным должен быть именно он, потому что только он знает, когда открывать огонь. Только он и никто другой – он все уже решил.

– Натан, за старшего! Пробивайтесь к объекту.

– Есть!

– Пошли, пошли, пошли!

Внедорожник срывается с места.

Остров Харк
Южная группа

Несмотря на то что людей катастрофически мало, лодки приходится замаскировать и оставить на какое-то время вообще без прикрытия. Ими воспользуются бойцы из группы, которая проникла в порт под водой и установила заряды на легкие катера, чтобы не допустить выхода этого проклятого москитного флота в залив, внезапная атака десятков скоростных катеров может всем очень дорого обойтись. Пока все идет как нельзя лучше, заряды удалось установить тихо, в порт проникли почти идеально – и это значит только то, что дальше будет полное дерьмо...

Беда и пришла – когда всплывшие на поверхность спецназовцы переваливались через борта замаскированных лодок, они не были готовы стрелять и не вели наблюдение за акваторией. Это и стало роковым – из темноты вынырнул до времени прикрытый корпусом большого танкера патрульный катер. Луч света, как назло, светил именно в том направлении, в котором была одна из лодок, и, как назло, у пулемета стоял пулеметчик, который увидел что-то подозрительное и, недолго думая, врезал по катеру и по борту танкера, у которого он стоял, из пулемета.

Из экипажа – четыре человека, – который в этот момент

пытался занять места в лодке, выжили только двое. У того коммандо, который уже перелез через борт, но не сделал главного, не занял место у пулемета, и у того, кто только переваливался через борт, шансов не было никаких, полудюймовые пули с расстояния не больше двухсот метров моментально выбили из них жизнь, разорвав на куски. Еще двое морских коммандос, поняв, что происходит что-то неладное – нырнули и этим спаслись.

Иранец что-то орал и стрелял из «ДШК», пули окончательно добивали лодку, искрил пробиваемый пулями борт танкера – и в этот момент вторая лодка, на которую успели забраться все четверо, резко сдала назад, разворачиваясь, чтобы открыть огонь одновременно из носового и кормового пулеметов. Боец на кормовом пулемете включил прожектор – и концентрированный луч света высветил рубку иранского катера и суетящихся в ней иранцев.

Иранские скоростные катера никогда не бронировались ради достижения еще б*о*льших скоростных возможностей, и поэтому огонь сразу двух пулеметов Браунинга, с небольшого расстояния обрушивших всю свою мощь на небольшой катер. Рубка сразу покрылась искрами, пулемет «ДШК» замолк – и через несколько секунд обстрела внутри скоростного катера что-то глухо грохнуло, корму охватило пламя. Огонь пулеметов был почти не слышен, хотя глушители на пулеметах сейчас дымились, краска слезала с них...

Лоцман дал катеру полный назад, кто-то активировал

взрывные устройства – и серия хлопков раздалась под водой. У причала взрывались катера, которым так сегодня и не выйти на воду...

– Надо подобрать второй экипаж!

– Нет времени! – проорал лоцман. – Надо зачистить пирсы! На воде еще два катера! Второй выживет!

Когда они готовились к операции, им отдали страшный для израильской армии приказ – трупы своих не подбирать и помощь не оказывать до завершения операции. Для тех, кто знает израильтян и израильскую армию, не нужно рассказывать, что это такое. В Ливане и на территориях целые подразделения рисковали жизнью, порой и несли новые потери лишь для того, чтобы вывезти тела своих, раздавленные, разбросанные взрывом – на родину. Точно так же поступал русский спецназ – из боя возвращаются либо все, либо никто. Первый раз подобный приказ был отдан во время подготовки к штурму аэропорта Энтебе, где находились пассажиры с захваченного террористами самолета, тогда на бетонке аэропорта истек кровью командир спецгруппы Джонатан Нетаньяху, родной брат будущего премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Второй раз этот приказ был отдан сейчас, и не все в душе решили, что будут его исполнять. Этот морской коммандос, по-видимому, решил, что все же исполнит приказ, как бы страшен он ни был.

Двигаясь задним ходом, он вывел лодку на воду и резко развернул. У пирсов тонули, ложились на бок катера с раз-

вороченными магнитными минами днищами, какие-то горели, какие-то просто тонули. По пирсу бежали басиджи и военные моряки, стреляя на ходу. Их было неожиданно много.

Носовой пулемет открыл огонь, пулеметчик бил короткими, каждая пуля, выпущенная им, сбивала в воду то одного, а то и двух иранцев, места на пирсе совсем не было, спрятаться было некуда и не за что, а прибор ночного в*и*дения и ЛЦУ позволяли вести исключительно точный огонь. Иранцы заметались по пирсу, безжалостно истребляемые, кое-кто начал прыгать в воду, кое-кто открыл беспорядочный огонь почему-то по кораблям – иранцы воспринимали команды судов, которые пришли за их нефтью, как врагов, и сейчас они думали, что в них стреляют именно с бортов кораблей. С гулким хлопком лопнул прожектор на вышке, у которого было два мертвых тела, – и в гавани стало намного темнее, чем было до этого.

Лоцман прибавил скорость – и лодка пошла в море. Настоящие враги были там – куда опаснее, чем те, что здесь.

– Готовность на носу и корме! Смотреть по сторонам!

* * *

Времени нет. Совсем!

Вырезавшие дыру в заборе из сетки-рабицы спецназовцы проскакивают в мехпарк. Ряды техники... минировать некогда. Легкие бронетранспортеры, похожие на русские, но

трехосные, а не четырехосные, какие-то грузовые машины, но с пулеметами в кузове. А вот это уже интересно. Машина, размером с большой американский пикап или легкий грузовик – но на ней солидное вооружение, что-то типа легкой скорострельной пушки. Во время Второй мировой такие машины исполняли роль ПВО и вооружались германскими «Флак-системами» или сорокамиллиметровыми «Эрликонами», здесь, судя по виду, – русская пушка «2А42», производимая в Иране и переделанная под скорострельное зенитное орудие. Такой штукой можно остановить все, кроме танка. Интересно – если вести из нее огонь, она не перевернет машину, там отдача под пять тонн? Наверное, все же лучше стрелять короткими очередями...

Где-то совсем рядом глухо застучал «калашников».

Один из спецназовцев, подпрыгнув, перевалился через борт грузовика, свалившись рядом с турелью крупнокалиберного пулемета. Лента в пулемет не была заправлена, но рядом в держателях были закреплены тяжелые зеленые короба, и спецназовец понял, что это и есть патроны.

Он был плохо знаком с «КПВТ», и тем более с его северокорейской пехотной версией, которая стояла на этом автомобиле, но все армейское оружие делается так, чтобы его обслуживание и работа на нем были максимально простыми и доступными даже тем, кто только что был призван в армию. Особой простотой отличалось советское оружие и производные от него. Он сумел зарядить пулемет как раз тогда,

когда машина двинулась вперед и выкатилась в проход между стоящей в два ряда техникой.

Впереди уже шел бой, спецназовцы пытались отсечь рвущихся вперед басиджей и национальных гвардейцев, не дать им прорваться к технике и завести ее, если хоть один бронетранспортер сумеют завести – за несколько минут расстреляют всех. Бой резко прекратился, когда автомобиль выкатился в проход, остановился – и грохот автоматов и пулеметов перекрыл раскатистый бас «КПВТ».

Израильтянин был знаком с «ДШК» и много стрелял из «М2», большое количество которых передали израильтянам американцы в рамках военной помощи – но все равно мощь северокорейского крупнокалиберного пулемета поразила его. Их него можно было стрелять только короткими очередями, иранцы вместо обычного воронкообразного пламегасителя сделали что-то типа дульного тормоза, как у пушки, – но теперь пламя при стрельбе было такое, что можно было стрелять и без прибора ночного в*и*дения. Несколько коротких очередей – и впереди что-то вспыхнуло, а уцелевшие иранцы бросились в бегство...

Коммандо перевел огонь на технику, короткими очередями выводя ее из строя. Он уже научился стрелять из этого монстра – тут был приклад в виде рогов, как у китайского «ДШК», на них нужно было наваливаться всем телом и целиться через зенитный ракурсный прицел. Опытным путем коммандо подобрал продолжительность нажатия на кнопку

спуска так, чтобы при каждом нажатии из ствола вылетало ровно две пули, так экономно расходуется боезапас. А две пули такого калибра гарантированно выводят технику из строя, по крайней мере до серьезного ремонта...

Машина тронулась, разворачиваясь, – и в это время иранцы первый раз выстрелили из гранатомета, но граната миновала машину и подожгла одну из тех, что стояли в ряд в мехпарке...

Объект «Имам Али»
Вторая группа
Район Тебриза

– Слева! Слева!

Израильтяне, уже передвигающиеся бегом, чтобы быстрее занять позиции, не проверяя впереди ни на мины, ни на огневые точки, едва успевают упасть и занять позиции.

Истошный вой моторов в долине, свет фар.

– Готовность!

Со всех сторон в небо летят трассеры, какие-то наводчики бьют по наземным целям, заливая плоскогорье морем огня.

В долину одна за другой влетают машины, жесткая рама, четыре колеса, мотор сзади. Два человека – один скрючился впереди, у него руль, две педали, рычаг коробки и ничего больше. Второй – за пулеметом, это либо «ДШК», либо китайская или северокорейская копия «КПВТ». Больше все-таки «ДШК»...

Продвигаясь на скорости по долине, багги на удивление быстро находят израильтян и открывают по их позициям огонь из крупнокалиберных пулеметов. У израильтян остался только один пулемет из четырех, этого явно мало – но у них есть несколько бесшумных крупнокалиберных снайперских винтовок, которые и сами по себе – серьезный козырь

в такой игре. У иранцев нет автоматических гранатометов – единственного, что могло нанести израильтянам быстрое и решительное поражение. Бухтят «ДШК», взрывается фонтанами земля – и навстречу маневрирующим багги летят пули, бесшумные пули. Останавливается одна машина, за ней другая. Еще одна вспыхивает ярким трескучим пламенем – рванул бензобак, теперь рвутся боеприпасы.

Израильский снайпер, взобравшийся на самый гребень холма, улучив момент, устанавливает винтовку. Спаренный «КПВТ» – советская зенитная горная установка – бьет по окрестностям, пытаясь нащупать огнем неуловимую израильскую группу, – они и не подозревают, что в пролетевшем мимо них легком внедорожнике были пятеро израильтян. Прицел плывет от вспышек выстрелов – но снайперу все же видно иранского басиджа в черном берете, сидящего на сиденье наводчика и жмущего на педаль. Двадцатипятимиллиметровый снаряд попадает точно в короб с боезапасом, второй – в механизм установки. Летят искры, зенитка замолкает – и в этот момент прямо перед снайпером встает красно-черный куст минометного разрыва...

Остров Харк
Прибрежные воды
Порт

– Внимание! Цели на берегу, справа!

На пирсе суетятся революционные гвардейцы, басиджи, кто-то, заметив знакомый силуэт катера, дает выстрел из ракетницы.

– Они принимают нас за своих.

– Правым бортом! «ПК» – огонь!

С правого борта начинает работать «ПК», рой светлячков летит к пирсу, сметая басиджей и гвардейцев, внося панику и заставляя залечь тех, кто остался в живых. У ангаров в панике мечутся люди, то ли гражданские, то ли военные – непонятно. Что-то горит...

Остров Харк
«Шаетет-13»

– Бронетранспортер! Амрам, бронетранспортер!

Бронетранспортер стоит в длинном ряду машин, угловатый, восьмиколесный, похожий на советский – но это не советский бронетранспортер. Странная башенка, в ней два «КПВТ», а не один.

– Заводи! Кадиш поедет за нами!

Внутри все надписи на табличках на иранском, то есть на фарси – чрезвычайно распространенном в этой части света языке, на фарси говорят не только в Иране, разные диалекты фарси являются языками таджиков и афганцев. Ничего ни черта не понятно, но во время учений на Украине они проходили БТР-80 как технику вероятного противника. Тут все точно так же, видно, что тот, кто делал эту машину, брал за основу именно БТР-80. Очень прямо стоящий руль, который упирается прямо тебе в грудь, старая панель приборов со стрелочными приборами и транспарантами, педали, узкий триплекс перед тобой, через который ни черта не видно.

Тумблер... ага, вот.

Бронетранспортер оживает, двигатель работает куда тише, чем тогда работал русский, – видимо, какой-то другой. Сцепление... здесь не автоматическая коробка передач, надо

выжать сцепление.

За спиной кто-то, пыхтя и то и дело пиная механика-водителя то по спине, то по затылку, устраивается на подвесном месте пулеметчика.

– Дрор, показывай, куда ехать, я ни черта не вижу!

– Если на правое плечо наступлю – езжай вправо, если на левое – влево!

Басиджи и иранские военные из казармы, хоть их было и больше – против израильских морских коммандос продержались несколько минут, пока группа из четырех коммандос не зашла им во фланг и не перебила их с выгодной позиции. Остальные коммандос занимали места на трофейной технике, на броне бронетранспортера, в кузове зенитной установки и пикапа с крупнокалиберным пулеметом, который тоже решили взять. Им надо было доехать до аэродрома и сделать это за несколько минут...

Саргорд Арад Бешехти
Объект «Имам Али»
Район Тебриза

– Занять позиции по боевому расписанию! Готовить технику к выдвижению на стартовые позиции. Открыть заградительный огонь!

– Во имя Аллаха, у нас нет разрешения из Тегерана! – взмолился один из офицеров

Грохнул выстрел.

– Этот шакал продался жидам! Жиды напали на нас, они хотят отнять ядерный меч у правоверных, чтобы и дальше делать дела! Не я его покарал, сам Аллах его покарал моей рукой! Аллах акбар, Хаменеи рахбар!

– Аллах акбар, Хаменеи рахбар!!![24] – громыхнуло многоголосо.

– Аллах с нами! По машинам!

* * *

Дрогнули, пошли в сторону ворота, способные выдержать

[24] Аллах велик, Хаменеи вождь. Хаменеи – высшее духовное лицо в Иране, аль-факих. Он и есть глава государства, человек, за которым останется последнее слово, – а не президент Ирана. Это клич басиджей.

близкий ядерный взрыв, одновременно взревели двигатели нескольких шведских тягачей «Вольво», которые и должны были тянуть ракетные установки, находящиеся на длинных, многоосных прицепах, к стартовым столам. Разбегались, занимали позиции в машинах охранения бойцы из группы боевого охранения, наиболее преданные, наиболее фанатичные басиджи, избранные для того, чтобы охранять ядерный меч Исламской Республики Иран и при необходимости погибнуть, его охраняя. На поверхности стреляли, стреляли со всех сторон – частили зенитные установки, создавая огненную завесу, непроницаемую для вертолетов и низколетящих БПЛА, стреляли пулеметные гнезда, поливая окрестные холмы. Саргорду пришло в голову, что он все-таки хорошо отладил оборону – ведь им нужно только немного времени, пятнадцать-двадцать минут, чтобы произвести пуск, и больше ничего. Эти пятнадцать-двадцать минут ему выиграют зенитчики и пулеметчики, и пусть жиды и неверные попробуют пройти сквозь шквальный огонь...

Колонна тронулась – тяжело, так трогается тяжелый грузовой состав, – и саргорд вскочил на подножку одного из тягачей, держа в руках автомат. Он вообще не любил ездить в закрытом транспорте еще со времен Ирака, потому что в закрытом транспорте ты лишен свободы маневра, ты – как мишень в тире: по тебе стреляют, а ты не можешь.

Проползли мимо полуметровой толщины ворота, охраняемые басиджами, застучал один пулемет, ведущий огонь на

прикрытие, потом еще и еще. Знакомая дорога, ведущая к стартовым площадкам, к тому, что мировому сообществу представлялось как первый в мире исламский космодром, на сей раз не была почему-то освещена, поэтому машины ехали медленнее, чем во время учений.

Машины включили фары, набирая скорость...

Объект «Имам Али»
Первая группа

– Не стрелять! Никому не стрелять!

Мы свои. Не стрелять...

Прямо впереди, на холме, – усиленная позиция ПВО, два «ДШК» и та самая многоствольная тридцатимиллиметровка под русский патрон. От ее рева содрогается земля, непонятно, то ли зенитчики нащупали цель, то ли это просто огонь на прикрытие. Непонятно также, кто наводит эту установку на цель, собственный локатор, центр управления или вообще никто.

Бардак...

– Внимание, справа!

Кто-то с оружием бежит по склону навстречу машине, что-то кричит. Но водитель не притормаживает – вместо этого он кричит в ответ и прибавляет ходу. Удивительно – но иранец понимает, и в зоне огня двух «ДШК» они едут дальше.

– Что ты ему сказал?

– На мешай. Это значит – не пойдет, нельзя. Я сказал, что везу офицера.

– А он что хотел?

– Ехать с нами, чего же еще...

Стреляют уже со всех сторон – на холмах в воздух лупят автоматчики и пулеметчики.

– Куда?

– Давай влево и в гору. Осмотримся.

Цепляясь стальными шипами – здесь на машинах совершенно особые протекторы, толстая резиновая лента вместо покрышек и в этой ленте шипы, машина цепкая, как таракан, – внедорожник упорно ползет вверх, на высоту. Если кто-то что-то заподозрит – конец всему. За спиной грохочет бой, но он уже далеко. Просто удивительно, сколь самонадеянными они были, когда думали, что пройдут эту сплошную линию обороны тихо и быстро, всего лишь одной небольшой группой.

Наконец машина вползает на вершину и останавливается. Провал в скальной стенке и пустая дорога – вот и все, что видят израильтяне.

Они прошли...

– Вправо! Игал, вправо!

Игал резко разворачивает пулемет и видит, что в паре километров от них на стартовой площадке уже стоит ракета. Остроносый карандаш уже нацелился в небо, ракета готова взлететь, неся смерть Израилю. А может, и кому другому, да и какая разница.

Слева что-то вспыхивает, треск и летящие во все стороны искры, гул пламени – беспилотный боевой дрон атаковал позицию ПВО, уничтожив ее и самоуничтожившись. Но ждать

нельзя, ждать – преступно.

– Готовность. Занять оборонительные позиции. Двигайся с места, как только я скажу. Резко!

– Есть.

Игал пытается понять, какая должна быть поправка при стрельбе на два километра. Он не взял с собой ни одного снайпера, у него нет дальномера, все, что у него есть – это крупнокалиберный пулемет. Интересно, какие там патроны? Обычно ленту крупнокалиберного пулемета заряжают смесью самых разных патронов, в том числе бронебойно-зажигательных. Сможет ли он достать эту ракету, сможет ли поджечь ее очередью? Или все напрасно?

Игал поднимает ствол, решив, что рассчитывать траекторию бесполезно. Можно будет скорректировать потом по попаданиям.

Рядом вспыхивает еще что-то, взрывы и на земле, и в воздухе. Беспилотные дроны начали атаку, интересно, почему они не пытаются атаковать ракету?

Игал нажал на спуск пулемета, тот задрожал в руках, трассеры один за другим вырвались из ствола, загорелись и полетели туда, где стояла готовая к пуску ракета.

Объект «Имам Али»
Саргорд Арад Бешехти

– Пропади я пропадом, какой ишак стреляет?

Саргорд с ненавистью уставился на маленькие звездочки, пролетающие над стартовыми позициями. Пулеметчик брал выше, чем нужно.

– Там, кажется, зенитная батарея... – сказал кто-то, – они нас охраняют.

– О Аллах, какие тупые ишаки! Кто их просит стрелять в сторону стартовых позиций? Сколько еще осталось?

– Примерно три минуты, брат. Тегеран по-прежнему не отвечает.

Саргорд уже понимал, что и не ответит – возможно, Тегерана уже нет и Кума, где находится религиозный центр управления страной, уже нет.

– Нужно быстрее.

Инженер, которого саргорд тайно ненавидел, пожал плечами.

– Иншалла, брат. Быстрее нельзя, это техника.

Новые пули прожужжали уже в опасной близости от ракеты. Саргорд понял, что так нельзя.

– Ты – за старшего. Заканчивайте, и как можно быстрее! Именем Аллаха мы должны отплатить неверным и жидам

за подлый удар по нашей стране. Они пришли ночью – и умрут в ночи! Их сожжет гнев Аллаха! Ты и ты – остаетесь здесь, обеспечивайте охрану. После того как ракеты будут запущены, присоединяйтесь к братьям, которые ведут бой с неверными. Приказываю уничтожить всех, в живых никого не оставлять. Всех!

– Именем Аллаха, брат.

– Ты – за мной. Бери машину.

Объект «Имам Али»
Район Тебриза
Капитан Давид Абрамсон

– Раам-четыре, Раам-четыре, изменение цели, повторяю – изменение цели. Поворачивайте на курс девять ноль, ваша цель – стартовые позиции баллистических ракет в районе с координатами альфа-два-зеро-три...

Капитан Давид Абрамсон, которому сегодня в первый раз доверили командование хоть маленькой, но все же ударной группой, состоящей из четырех самолетов «Раам», не поверил своим ушам. Стартовые площадки баллистических ракет были слишком хорошо прикрыты ПВО, чтобы пытаться проломить защиту с таким малым количеством самолетов. Их должен был атаковать спецназ при поддержке БПЛА. Получается, что беспилотники, на которые возлагали столько надежд и которые должны были рисковать вместо пилотов, ни черта не справились?

И в самом деле – не справились. Уже на подходе к цели беспилотные аппараты встретил плотный заградительный огонь десятков установок ПВО. Некоторые из них были с собственными радарами, вообще система обнаружения и выдачи целей у иранцев оказалась намного более устойчивой к электромагнитной и помеховой атаке, чем это предпола-

галось. В итоге из четырех ударных беспилотников были потеряны уже три, и размен был совершенно неудачным. Последний из оставшихся отвели – он должен был попытаться с относительно безопасной позиции пробить один, самый слабый сектор, чтобы дать дорогу спасательным вертолетам. А если получится – то и оказать помощь ведущей бой на земле группе.

– Раам-ведомый, на связь, – сказал капитан Абрамсон, наслаждаясь тем, как это звучит. Он все еще ничего толком не понял.

– Ведомый на связи.

– Возглавишь группу. Делаем три-один, ты наковальня, как понял?

Три-один – один из вариантов охоты. Три бомбардировщика пытаются пробить оборону с наиболее выгодной для нападающих стороны, получается со стороны запада, вызывая огонь на себя. Четвертый пытается нанести удар оттуда, откуда не ждут, – в данном случае, получается, с востока. Кто больше при этом рискует – вопрос.

– Тебя собьют. Надо держаться вместе.

– Это приказ. Расходимся!

* * *

Капитан Давид Абрамсон решил сыграть в «короткую» – атаковать не с противоположной стороны, а с фланга. У него

не было ответчика системы «свой – чужой», какие были у иранцев, но он решил, что самолет, подходящий к базе с севера, в суматохе боя могут воспринять как свой. Когда планировали операцию – исходили из разведывательной информации, говорящей о том, что основная база авиации ПВО, прикрывающей этот объект, находится именно на севере.

Атаковать можно было двумя путями – либо, снизившись до предельно малой и попытавшись проскользнуть между холмами, либо наоборот, попытавшись подойти к цели на предельной высоте с последующим пикированием. Капитан выбрал не самую максимальную высоту, на какую был способен его перегруженный самолет, но такую, на которой его не смогла бы достать ствольная артиллерия малого и среднего калибра. Включив напоследок магнитофон – так называли специальное устройство, созданное израильскими спецслужбами, оно имитировало одновременно и переговоры на фарси, и запросы земли, и одновременно неисправность системы ответчика «свой – чужой», в суматохе и неразберихе могло и прокатить, – капитан направился к цели, заходя по широкой дуге.

Минута прошла – полет в тишине и темноте, внизу – облачная пелена, из которой могут в любой момент вырваться ракеты, ищущие след его самолета. Пошла вторая – он уже видел подсвеченные, пульсирующие изнутри светом облака – было похоже на грозу, но это внизу шел бой. Неужели проскочит? Вот тебе и «свой – чужой».

Трель системы автоматического оповещения известила о том, что его взяли на прицел.

Объект «Имам Али» Воздушное пространство Сарван Вафа Муртази Двадцать третья эскадрилья ВВС Ирана

Израильские планировщики, в частности тот же полковник (уже) Эгец, рассчитали все правильно – после скоординированного удара по аэродромам ни один самолет не сможет подняться в воздух в течение такого времени, которого будет достаточно для израильтян, чтобы нанести сильный обезоруживающий удар и смыться к чертовой матери. Но в жизни всегда есть место случайностям.

Сарван Вафа Муртази, опытный летчик двадцать третьей эскадрильи ВВС Ирана, перегонял самолет «МиГ-29» после модернизации, но не на свою базу в Тебризе, а на Буширскую базу ПВО. В Тебризе он должен был совершить промежуточную посадку, потом – гнать самолет дальше.

Самолет этот был иранским, но модернизировали его совершенно нелегальным образом, и сделали это в Таджикистане. Точнее, не в самом Таджикистане, а в России – но через Таджикистан. Это был бизнес-проект, который устроили некоторые коррумпированные российские чиновники из

МАПО «МиГ» и ОАК[25], и само его осуществление как нельзя лучше демонстрировало обстановку в России на тот период. Началось все с того, что под давлением западных стран, желая наладить отношения с США, сделать шаг навстречу, президент России принял очередное малопродуманное решение – свернуть оружейный бизнес с Ираном. Если бы это решение было принято... скажем, в Советском Союзе годов пятидесятых-шестидесятых – оно было бы, безусловно, выполнено, тогда с этим не забалуешь. В конце восьмидесятых – уже нет, тогда образовалась оружейная мафия, начались подпольные поставки боеприпасов, запасных частей, легкого стрелкового оружия в обход государства. Сейчас же пресловутая «вертикаль власти», отстраивание которой занимало целое десятилетие, могла четко действовать лишь в том случае, если интересы (финансовые в основном) всех уровней управленческой пирамиды были согласованы и устремлены в одном направлении. Здесь этим и не пахло.

Моментально образовалось несколько коррупционных цепочек, через посольство России в Иране заинтересованные люди вышли на руководство Ирана и объяснили, что президент – сам по себе, а они – сами по себе, просто это будет стоить немного дороже. Необязательно даже деньгами – можно поставками нефти и нефтепродуктов для контролируемых уважаемыми людьми нефтяных трейдеров, так будет нормально. Ну и... держать язык за зубами, конечно.

---

[25] Объединенная авиастроительная корпорация.

Схема для модернизации самолетов выглядела следующим образом: самолеты перегонялись в Таджикистан, который имел очень тесные отношения с Ираном, входил в проект «Великой Персии» (или Великого Таджикистана, тут вопрос, на основании кого объединяться, вопрос бренда) и даже говорил на таджикском варианте фарси, так называемом «точики фарси». Там эти самолеты становились уже таджикскими и перегонялись в Россию для модернизации, – Таджикистан не был связан санкциями и имел соглашение о дружбе и сотрудничестве с Россией. Сколько было самолетов у Таджикистана – точно никто не знал, потому что бардак, а может, потому что не хотели знать, и сколько было самолетов «МиГ-29» у Ирана – тоже никто не знал, потому что в девяносто первом Саддам отправил свои самолеты спасаться в Иран, и сколько их перелетело – неизвестно. Пройдя модернизацию – вопросом об источнике денег и смысле модернизации новейших истребителей для находящегося на грани новой гражданской войны Таджикистана никто не задавал, – самолеты перелетали в Таджикистан, где их принимали иранские летчики и гнали обратно на родину. Так Иран модернизировал уже половину своего самолетного парка до стандарта «МиГ-29СМТ++», и никто не задавал никаких вопросов. Даже американцы – они если и не знали, то догадывались, но предпочитали молчать, потому что знали, как в России ведутся дела, и знали, что пытаться что-то изменить бесполезно.

Вот сарван Вафа Муртази в качестве поощрения был назначен командованием для того, чтобы перегнать еще один вернувшийся с модернизации самолет в Иран. Для этого ему предоставили в качестве поощрения двухнедельный отпуск, он загрузил вещи в свою машину и поехал отдыхать. Отдыхать он поехал сначала в Тегеран, пробыл там день, отдав дань уважения столице родины, потом поехал дальше – через горы на Гордан. Миновав Эльбрус, он перешел границу бывшего СССР и оказался в приграничном городе Ашгабат. Язык там был почти одинаковый с языком его родины, поэтому находиться там ему было легко, он даже подумал, что идея об объединении среднеазиатских провинций бывшего СССР и Ирана не так глупа, получится большое и сильное государство, с населением, которое говорит на одном языке и молится Аллаху. Но проводить этнолингвистические исследования было некогда – он поехал дальше по дороге, которая шла параллельно бывшей советской границе и, видимо, планировалась как рокадная[26].

---

[26] Военная дорога, идущая параллельно линии фронта. Автор неоднократно упоминал в разных произведениях, что у СССР был план в начале восьмидесятых оккупировать Иран. Таким образом, мы получали прямой выход в Персидский залив и Индийский океан, возможность контроля нефтяных перевозок через Ормузский пролив, прямую границу с дружественным Ираком, а вот интересы США в этом регионе становились под знак вопроса. Этот план был сорван диким, спровоцированным иностранными агентами планом вторжения в Афганистан. Сейчас автор находит все больше и больше доказательств, что план штурма Тадж-Бека и убийства Амина вообще не был санкционирован Политбюро! Нет ни единого документа с подобной санкцией, все с разговоров и каких-то об-

В Таджикистане, на базе ВВС Айни в двадцати километрах от Душанбе, сарвана дожидался капитально отремонтированный, модернизированный «МиГ-29». Перекрашенный под цвет таджикских ВВС, с их бортовым номером, но все же свой. Фактически это был новый самолет – сменили оба двигателя, перебрали всю начинку, поставили новую РЛС «Жук-М», систему ориентирования, которая могла принимать сигналы и от GPS и от ГЛОНАСС, поставили лазерную контейнерную прицельную систему, для того чтобы самолет мог наносить удары по наземным целям, используя собственную подсветку лазером, полностью сменили интерьер кабины – теперь вместо устаревших аналоговых приборов из семидесятых там красовались многофункциональные дисплеи. Сарван с радостью поднял обновленную машину в воздух и убедился в том, что она теперь ничуть не уступает самым современным истребителям, какие только есть, – он знал это, потому что ему довелось посидеть в кабине «Дассо Рафаль». Отличительной чертой двадцать девятого была огромная тяговооруженность, сейчас самолет потяжелел из-за дополнительного электронного оборудования – но теперь даже пилот средней квалификации мог действовать на этом самолете совершенно автономно, не привязываясь к наземному центру управления и в незнакомой местности.

суждений. На документе от 31.12.1979 года, задним числом санкционировавшем случившееся, нет подписей ни Брежнева, ни других членов ПБ, которые были против решения вопроса военной силой.

То, что нужно!

Совершив два положенных полета, сарван подписал акт приемки самолета из капитального ремонта, попросил, чтобы ему подвесили дополнительные баки (на всякий случай), и ночью (мало ли) вылетел на самолете в Иран. Из оружия у него была только полностью заправленная снарядами тридцатимиллиметровая пушка и контейнер с лазерной системой прицеливания, который следовало перевезти в Иран. Ракет у него не было ни одной...

Сарван любил летать ночью. Тем более – выше облачности. Ночью выше облачности всегда светит луна, а внизу, под крылом самолета – белая пелена облаков, скрывающая землю. И кажется, что самолет не движется, а висит, привязанный на лучиках лунного света над белой пеленой облаков, и во всем мире больше нет никого. Только ты – и самолет, который сделает все, что ты ему прикажешь. Наверное, это было богохульством, но сарван Вафа Муртази хотел бы, чтобы рай выглядел именно так, а не как он описан в книге. Больше, чем это, ему было не нужно.

Их он увидел, когда уже думал, как совершать посадку, он даже не запросил еще землю (наверное, именно это и спасло его). Еще его спасала «Наташа», как спасла многих пилотяг, – о том, что в его самолете летит ракета, он узнал только из автоинформатора.

Но тут израильтяне промахнулись. Вернее – не израильтяне промахнулись, они запустили всего одну ракету, кото-

рая всеми летчиками западного мира считалась «серебряной пулей»[27] – ракету «AMRAAM». Если бы «МиГ-29» был старым, еще первой серии – шансов у него почти не было бы – но этот «МиГ», начиненный современнейшей электроникой, мог побороться за свою жизнь. Система «РЭБ», которая была на каждом самолете, поставила завесу помех, включился специальный фонарь на хвостовом оперении, который дезориентирует инфракрасные головки самонаведения ракет, самолет выбросил несколько ярко светящихся ловушек – а сам сарван принял штурвал на себя, начиная резкий, на пределе возможностей, набор высоты. И ракета промахнулась, повелась на горящие ярче солнца ловушки, падающие к земле, дала себя сбить с толку помехами. Едва справляясь с перегрузкой, капитан включил радар в активный режим и увидел летящие израильские самолеты. Израильтяне ставили помехи, в каждой группе самолетов был самолет «РЭБ», сейчас работающий на полную мощность, – но эти помехи были опасны для ракет, а не для того, что было у сарвана. Тридцатимиллиметровая пушка «ГШ301», русская, весящая меньше любой другой пушки этого калибра и мощности с чудовищной огневой мощью. Он поднялся еще выше – и ринулся на израильтян. Прежде чем кто-то успел что-то понять, он дал две короткие очереди, поджег два истребителя-бомбардировщика, один развалился сразу, второй выпал из строя с горящим двигателем. Израильские (он думал,

[27] То есть неотражаемое оружие, чудо-оружие.

что это американские) самолеты шарахнулись в сторону, они были нагружены до предела – в отличие от легкого, но почти невооруженного «МиГа». Еще одна ракета полетела вслед, он чудом увернулся от нее, но понял, что пора уходить, у него почти ничего не осталось, он израсходовал восемьдесят процентов боезапаса на две короткие очереди. Топлива у него тоже было немного, он израсходовал его на полет из Туркменистана, и надо было думать, где приземляться. Желательно не на военном аэродроме, по ним американцы ударят в первую очередь. Подумав, он выбрал мало кому известный аэродром Бонаб, он там служил и до сих пор помнил достаточно, чтобы посадить там самолет, даже ночью, без наведения с земли. Топлива должно было хватить, но в обрез. Приняв решение, сарван направил самолет в нужном направлении, путь его пролегал через воздушное пространство объекта «Имам Али».

* * *

С американцем (на самом деле это и был самолет израильтянина Давида Абрамсона) он едва не столкнулся в условиях плохой видимости, потому что ни тот, ни другой не желали пользоваться радаром. Самолет шел направлением на запад, и сарван подумал, что этот самолет отбомбился по цели и направляется в Ирак на аэродром. Это значит, что он использовал б*о*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.